

Павел Шилов

МЕРЦАНИЕ «ПРИЗРАКА»:

ЛИЦ СМЕРТИ

Павел ШИЛОВ

Мерцание «Призрака»: лик смерти

«Автор»

2017

Шилов П. В.

Мерцание «Призрака»: лик смерти / П. В. Шилов — «Автор»,
2017

21 век видится каждому по-разному. Мы не знаем, каким он мог быть без того исторического груза, который пришёл к нам из глубин времен. Все в этом мире стало иначе. Новое время диктует другие правила игры в жизнь. В этой книге мы встретимся с героями разных разведывательных структур, которые борются с проявлениями непрекращающихся опасностей. Их призраки бродят по миру и ищут новые жертвы. Государства ведут друг с другом холодную войну. Союзники не всегда оказываются союзниками, иногда они просто пешки, но и пешки хотят быть ферзями. Однако настоящие ферзи, которые называют себя серыми кардиналами, стоят особняком от всего и руководят миром, диктуя государствам свои правила игры. Религиозные секты оспаривают общеизвестные догмы и ищут новых последователей, однако есть и те, кто борется с ними, не щадя ни их, ни себя. Хочу напомнить, что все герои и события в книге являются плодом воображения писателя и к реальности не имеют никакого отношения! Но, быть может, читатель задумается, что все описанное ниже не такой уж и вымысел...

© Шилов П. В., 2017

© Автор, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

21 век видится каждому по-разному. Мы не знаем, каким он мог быть без того исторического груза, который пришёл к нам из глубин времен. Все в этом мире стало иначе. Новое время диктует другие правила игры в жизнь. В этой книге мы встретимся с героями разных разведывательных структур, которые борются с проявлениями непрекращающихся опасностей. Их призраки бродят по миру и ищут новые жертвы. Государства ведут друг с другом холодную войну. Союзники не всегда оказываются союзниками, иногда они просто пешки, но и пешки хотят быть ферзями.

Однако настоящие ферзи, которые называют себя серыми кардиналами, стоят особняком от всего и руководят миром, диктуя государствам свои правила игры.

Религиозные секты оспаривают общеизвестные догмы и ищут новых последователей, однако есть и те, кто борется с ними, не щадя ни их, ни себя.

Хочу напомнить, что все герои и события в книге являются плодом воображения писателя и к реальности не имеют никакого отношения! Но, быть может, читатель задумается, что все описанное ниже не такой уж и вымысел...

ПРОЛОГ

Сицилия. Палермо.

Море плавно облизывало каменистый берег, принося прохладу нагретым от солнца камням. Где-то далеко в морской дали всё было настолько безмятежным, что казалось, одно прикосновение к этому покою дарует человеку гармонию, которую постоянно ищут, хотя и понимают, что в жизни всё тяжело объяснить и тем более тяжело понять...

Город купался в лучах дневного солнца, прохладного в эту зиму, но все же дающего людям последнюю надежду, чтобы не унывать, а жить дальше! Жить и бороться.

Городские улочки были довольно многолюдными. Люди торопились доделать до сиесты ежедневную и, казалось бы, маловажную рутину. Взрывной темперамент помогал не падать духом от бесконечных проблем, решение которых занимало столько сил и времени.

Полицейские патрули и патрули карабинеров время от времени проезжали на своих «Альфа-Ромео», храня покой столицы Сицилии, где всегда хватало проблем. И дело было не только в козаностре, но и в других таких же небольших и рутинных проблемах.

Быстрые шаги постепенно прерывались на спокойную походку. Мужчина лет сорока пяти шел, постоянно оглядываясь по сторонам, словно пытаясь убежать от кого-то. Создавалось впечатление, что он ищет кого-то, кто следит за ним, хотя сам прекрасно мог раствориться в толпе и исчезнуть навсегда. Впрочем, убежать от себя за многие годы он так и не смог. Он понимал, что должен ещё что-то сделать для тех, кто рядом, но не задумывался, нужно это им или нет.

Он замер на мгновение, услышав оглушающий крик в ушах и, снова осмотревшись по сторонам, понял, что так звало его прошлое. Прошлое, в котором детские крики перемешивались со свистом и волной трассирующих пуль, выбивавших из песчано-каменистой земли пыль. Пыль, которая поднималась к самим небесам, которая становилась самим воздухом. Тем раскалённым воздухом, дневным маревом, обжигавшим лёгкие и кожу. Сицилия была чем-то похожа на те места... На тот проклятый всем и всеми Ближний Восток, где мира не будет никогда, а война никогда не закончится. «Там мир не нужен», – подумал мужчина, проведя по чуть вспотевшей гладко выбритой голове и овальному лицу. Его голубые глаза бросили взгляд на небольшую церковь, которая стояла прямо напротив него, и он, тяжело вздохнув, направился к главному входу, снова и снова слыша в своих ушах раздирающие вопли и крики. Смертники-мальчишки, которых приходилось убивать выстрелом в голову, были из бедных арабских семей и принимали исковерканную веру ислама за чистую монету. Религиозный фанатизм –

очень страшное явление, и так было всегда и навсегда останется, что бы ни делали лидеры государств и спецслужбы. Терроризм победить никто не сможет, поскольку всегда кто-то будет к нему призывать и провоцировать, невзирая на то, что за ним рано или поздно начнут охоту, как за диким зверем...

Мужчина, которому на вид было лет сорок пять, потянул на себя дверь церкви и зашёл внутрь. Необычное чувство спокойствия охватило его. Он опустил правую руку в мраморную чашу со святой водой и перекрестился.

В церкви было пусто, только женщина преклонных лет прошла от исповедальни до выхода и исчезла за дверьми церкви.

Он осмотрелся по сторонам, бросая короткие взгляды на роспись на стенах, и медленно направился к алтарю по центральному проходу. Пустые скамейки ещё помнили посетителей утренней мессы, но теперь они стояли одиноко и ощущали благодать и тишину, царившую в доме Божьем.

Мужчина неспешно зашел в исповедальню и сел на стул. Внутри царил темнота, и лишь небольшой лучик света проникал через деревянное решечение со стороны святого отца.

– Святой отец, отпустите мне мои грехи, ибо я согрешил и прошу милости Божьей, – начал, опустив голову, мужчина.

– Что тебя тяготит, сын мой? – послышался голос святого отца

– Я много убивал! Иногда убивал, не думая о том, что несу зло, я думал, что просто выполняю приказ. Однажды я выстрелил мальчику-шахиду в голову, видя в нём террориста-смертника, а не ребёнка, который бы мог спокойно гонять мяч со своими сверстниками, а не искать рая, в который никогда не попадёт.

– Ты много грешил, сын мой! Однако Господь милостив и дарует тебе прощение.

– Святой отец, нельзя простить того, кто убьёт прямо сейчас! – вскрикнул мужчина. Он молниеносно вытащил свой «ЗИГ-Зауэр П-226» и несколько раз нажал на спусковой крючок, увидев тень, мелькнувшую за тёмной занавеской. Пули сорокового калибра изжалили киллера, и он упал на мраморный пол в церкви, истекая кровью.

– Говард! – вскрикнул святой отец, и его голос поглотила тишина.

МЕРЦАНИЕ «ПРИЗРАКА»: ЛИК СМЕРТИ

Глава 1

Палермо.

Говард вскочил со стула и, отдернув занавеску исповедальни, перекатом выкатился к алтарю, встав на колени и смотря по сторонам, держа перед собой свой «ЗИГ-Зауэр».

Тишина продолжила царить в церкви после нескольких выстрелов в киллера, которому обе пули сорокового калибра пришлись в шею, не затронув тем самым бронезилет, надетый на него. В церкви было пусто. Святой отец вышел из исповедальни и произнёс:

– Говард, это за мной приходили?

– Скорее всего, отец Бернардо. А может просто, кто-то пришёл с «Вальтером» к вам исповедаться и даже глушитель на ствол навинтил, – рассмеявшись, ответил полковник Льюис.

– Слава Богу, ты оказался как всегда в нужное время в нужном месте!

– Думаю, отец Бернардо, вам срочно нужно покинуть свою паству и церковь и поискать другое пристанище, которое бы было более безопасно для вас и всего нашего дела. Возможно, за церковью продолжают наружное наблюдение, – произнес Льюис, подойдя к труп киллера и подняв его за руки, оттащил в подсобку. – У нас мало времени! Нужно срочно уходить. Уходить будем через крипт, там есть подземный ход, выводящий в здание в пару кварталов отсюда. О нём, скорее всего, никто не знает.

Отец Бернардо перекрестился, прочитав последний раз «Отче Наш» в своём приходе, последовал за Говардом, взвалившим на себя мёртвое тело киллера, и стал спускаться в крипт.

Отец Бернардо смахнул лёгкую испарину со своего лба, ощутив прохладу подземелья своим круглым лицом. Он был не простым святым отцом, а доминиканцем и входил в тайный круг ордена, который по-прежнему активно боролся с ересью во всех его проявлениях. Появление же полковника Льюиса для святого отца стало отнюдь не неожиданностью. Он вызвал его, чтобы ввести в курс дела. Говард был терциарием. Мирским человеком, который дал обет борьбы с ересью, но оставался при этом обычным человеком, хотя и входил в Доминиканский Орден, какой некоторые называли «Псами Господними» из-за символа ордена собаки, несущей факел в пасти.

О полковнике Льюисе отец Бернардо знал всё. Знал его службу в САС, которая ужасно мучила его сознание и совесть спустя много лет. Врачи называют это посттравматическим синдромом и прописывают множество таблеток. Но таблетки как раз и не помогали Говарду, и тогда он пришёл к Господу с тем, что умел делать лучше всего на свете, а именно убивать.

Святой отец подобрал фонарик, лежавший на небольшом столике перед дверью у входа в крипт. Полковник Льюис шёл впереди, как всегда в отрыве на несколько метров: если придётся столкнуться с врагом, то он сможет быстрее его обезвредить и исполнить свой долг терциария.

Отец Бернардо прошёл крипт и поднялся по ступенькам вверх, где было относительно светло и прорывались лучи света.

– Что-то вы задержались, отец Бернардо, – стоя в небольшой пустой подсобке, произнёс Говард.

– А где труп? – обеспокоенно спросил святой отец.

– Сбросил в крипте. Не думаю, что нам понадобится провиант, – добавил полковник Льюис. – Идёмте скорее!

Они быстро попали из подсобки на задний двор дома, где стоял пикап, на котором, судя по всему, приехал сантехник или ещё кто-то из услуги домов.

Говард открыл дверцу автомобиля и залез на водительское сидение. Вытащив из кармана выкидной нож, он быстро вскрыл рулевую колонку, замкнул провода и завёл двигатель пикапа.

– Отец Бернардо, садитесь скорее в машину, – резким голосом произнёс полковник Льюис.

– Воровать – грех, сын мой! – открыв дверцу автомобиля и сев на переднее сидение, сказал святой отец.

– Думаю, за этот грех я исповедуюсь вам позже, а сейчас нам нужно скорее уносить отсюда ноги.

Полковник выжал сцепление, переключил механическую коробку передач сразу на вторую скорость и, резко опустив ручной тормоз, дал по газам. Говард вывернул на улицу из проулка заднего двора и направился в сторону выезда из города, куда-нибудь поближе к морю, где легко сбросить слежку, если она окажется в виде нескольких назойливых автомашин.

Пикап наматывал километры, то снижая скорость, то возобновляя скоростной режим, который сложно было назвать допустимым по правилам дорожного движения, принятым в Италии. Однако всё это ничуть не заботило Льюиса, ехавшего на угнанной машине, от которой собирался избавиться неподалёку от того места, куда он направлялся. Говард ехал к одной небольшой церквушки у моря, где так же проповедовал священник из ордена доминиканцев. Там было лучшее убежище, которое по крайней мере казалось доступным на этот момент. Ведь убийцы вновь могли прийти за отцом Бернардо, бесспорно, знавшего много тайн Доминиканского Ордена, поскольку он был не совсем простым священником. Генеральный магистр Бруно Кардоне доверял ему, как самому себе, и знал, что на него всегда можно положиться, несмотря на то, что из ресурсов при нём был лишь отставной полковник САС Говард Льюис, чьи возможности иногда можно было сравнить даже с нечеловеческими, благодаря его старым связям в МИ-6.

Льюис резко ушёл вправо и затормозил на обочине, увидев в относительной близости пост карабинеров, которые могли внезапно поменять место своей дислокации, да и ждать они могли непосредственно их пикап, информация по угону какого уже должна была просочиться в сводки происшествий по Палермо.

– Отец Бернардо, до церкви вам придётся идти одному. Слежки я за нами всё равно не заметил, конечно, есть возможность, что нас пасут с беспилотника, но выбора нет, нужно рискнуть! Карабинеры вот-вот будут здесь, а мне нужно уничтожить все наши следы, и сделать это одному будет намного проще, чем с вами, – обернувшись и заметив в кузове пикапа небольшую канистру с бензином, сказал Говард и открыл дверцу автомобиля, которая тут же скрипнула, будто понимала, что скоро от кузова останется один обгорелый остов.

– Хорошо, но я один не смогу добраться до церкви. У меня нет даже карты! – испуганным голосом произнёс отец Бернардо.

– Не волнуйтесь, святой отец! Я вам дам свой планшет с навигацией, – выйдя из машины и подойдя к открытому кузову пикапа, ровно сказал Льюис.

– А как же вы?

– Мне он не нужен! Я знаю эти места достаточно хорошо. Не волнуйтесь, отец Бернардо, я не заблужусь, – вскрыв канистру и начиная поливать кабину соляжкой, оказавшейся в кузове вместо бензина, произнёс Говард и резко прикрикнул. – Святой отец, скорее!

Отец Бернардо быстрым семенящим шагом подошёл к Льюису, вытащил у него из кармана плаща планшет и направился через дорогу в глубь местности, которая простиралась за небольшой горкой.

Говард облил остатком соляжки капот и, вытащив из кармана плаща зажигалку, зажёл её и бросил в салон пикапа. Резкое пламя небольшим столбом вырвалось из автомобиля, и начался процесс возгорания.

Льюис увидел, как резко взяла с места машина с карабинерами по направлению к нему, и Говард вытащил из кармана плаща эластичную маску и надел её на голову, понимая, что лучше вступить с карабинерами в контакт, чем бежать от них, рискуя тем, что они найдут в итоге дорогу к церквушки и их следы.

Льюис встал спиной к подъехавшей машине карабинеров, и лязг тормозных колодок возвестил ему о полном внимании и готовности номер один к контакту.

Карабинеры выскочили из машины и заняли позиции у дверей патрульной «Альфы-Ромео», на которой работали проблесковые маячки. Рядом горела машина, и вот-вот должен был произойти взрыв.

– Стоять, не двигаться! – выкрикнул один из карабинеров, держа Говарда на мушке взведённой девяносто второй «Беретты». Другой карабинер полез в багажник за огнетушителем, стараясь спешить, чтобы не прогремел взрыв.

Льюис понимал, что нельзя было допустить, чтобы пожар в автомобиле потушили, и резко повернулся лицом к карабинерам и стал уверенным шагом направляться к ним навстречу, держа руки поднятыми вверх.

Машина продолжала гореть чуть в стороне, и один из карабинеров выдернул предохранительное кольцо из огнетушителя и принялся тушить: начиная с капота. Огонь разгорался всё с большей и большей силой, пожирая кузов автомобиля, а салон уже был безнадежно уничтожен огнем. Теперь Говарду нужно было срочно делать ноги и избавиться от столь приятной компании.

– Не двигаться, или я стреляю! – держа пистолет двумя руками, вскрикнул карабинер.

Льюис резко сделал кувырок вперёд, по направлению к своему противнику, и пуля свистнула чуть в стороне от него. Он резко сбил ударом ноги карабинера и, вытащив из кобуры на ремне свой «ЗИГ-Зауэр», выстрелил одному карабинеру в плечо, а другому, который уже вскинул перед собой пистолет-пулемёт «Спектре», всадил по пуле в лодыжку правой и левой

ноги. Очередь из пистолета-пулемёта прошла в стороне, выбив волну песка из обочины, и резкие стоны прокатились по набережной.

Говард вскочил на ноги и побежал прочь от места преступления, услышав лишь через несколько секунд взрыв старенького пикапа, который так и не удалось карабинеру потушить.

Льюис бежал, вдыхая пыль, поднимавшуюся от земли, и не оглядывался назад, хотя слышал звук приближавшихся сирен. Он постоянно менял позиции на несколько секунд – останавливаясь и делая небольшие передышки. Возраст как-никак давал о себе знать, и кроссы бежать с каждым годом становилось всё сложнее, даже несмотря на то, что регулярные пробежки держали Льюиса в необходимом тонусе, но дыхание постоянно сбивалось и становилось бесконтрольным.

Из-под ботинок продолжала лететь пыль. Он бежал. Впереди уже виднелась дорога и небольшая церквушка у берега моря. На парковке не было ни одной машины, что не могло не радовать Говарда. Лишние глаза были ни к чему, даже если это были бы глаза полуслепой старушки, шедшей с богомолья.

Льюис никогда не видел себя в роли старика, прекрасно понимая, что до таких лет ему всё равно не дожить, да ему, признаться, и совсем не хотелось этого. Его всё устраивало в той жизни, какая была у него сейчас, и к какой он уже привык с молодости. Ему нравилось постоянно быть в игре. Игра для него была всегда чем-то необъяснимым, но важным, без неё невозможно было жить. Он спустился с небольшой горки и, перебежав дорогу, пересёк парковку, попав в церковь. Прохлада внутри дома Божьего немного охладила его вспотевшую голову, с которой струился пот, и он, немного отдышавшись, увидел шедшего к нему священника. Отца Массимо.

– Мы вас ждём! С вами всё в порядке? – спросил святой отец.

– Да, скорее проводите меня к отцу Бернардо! Где он? – сбивчиво спросил Говард.

– Он в потайной комнате. Не волнуйтесь за него. Вам надо отдышаться и прийти в себя, – протягивая стакан с водой, сказал отец Массимо.

Льюис жадно взглянул на стакан с водой и взял его слегка трясущейся левой рукой. Он сделал пару небольших глотков, понимая, что напиваться водой после такого длительного кросса сразу не стоит, хотя жажда ужасно мучила его.

– Пойдёмте скорее к отцу Бернардо.

– Как пожелаете, – коротко сказал святой отец и повёл его по центральному проходу к алтарю, а дальше налево и вниз. Отец Массимо прошёл в архив и нажал на спрятанную между стеллажами кнопку. Появилась сейфовая дверь с кодовым сенсорным замком. Он быстро набрал комбинацию и замок щёлкнул. Святой отец потянул дверь на себя, и они вошли в небольшую комнату, где за рабочим столом с включенной настольной лампой сидел отец Бернардо. Он внимательно что-то изучал за открытым ноутбуком. Во взгляде святого отца читалось замешательство.

Потайная металлическая дверь захлопнулась, и закрывшийся замок резко щёлкнул. Говард неспешно подошёл к отцу Бернардо, встал позади него и бросил взгляд на светящийся монитор ноутбука, где был открыт текстовый файл. Отец Массимо сел на небольшой стул-кресло и положил руки на подлокотник. Тишина в комнате продолжалась, пока ее внезапно не прервал отец Бернардо.

– Говард, что ты знаешь о гностиках? – с интересом спросил он.

– Это еретики! Одни из древнейших. Их разновидностей много, но самые опасные из них были катары... Я прав, святой отец? – сделав последний глоток воды из стакана, ответил Льюис и поставил стеклянный сосуд на стол, туда, где нашлось для него свободное место среди большого количества папок и бумаг разного содержания и происхождения.

– Правильно, Говард. Тот файл, который мне пришёл от генерального магистра ордена, описывает какие-то письма явно гностического содержания. Фотография обрывка письма

прилагается к файлу. В нём говорится, что Иисус, да простит меня Господь, всего лишь человек, и в нём нет признаков божественного. На вид это пергамент явно времён катар, но где и откуда появились эти письма, неизвестно. Тебе нужно будет встретиться с одним теологом из Ватикана, он как учёный, так и лицо церкви. Его зовут Сержио Калькутти. Узнать его просто. Он невысокий, с аккуратно постриженной бородой, чёрными волосами и светло-голубыми глазами, даже некоторые кардиналы в шутку называют его волчонком. Однако это чистой души человек. В меру скрытный, в меру открытый, но достаточно замкнутый и сторонится женщин.

– Он гомосексуалист, отец Бернардо? – усмехнувшись, спросил Льюис, отойдя в сторону и сев в полутёмном углу на деревянный стул, стоявший рядом с небольшим шкафчиком.

– Этого мне неизвестно, Говард! – с долей порицания в голосе произнёс святой отец.

– Я не думаю, что вы никогда не видели гомосексуалистов, полковник, – ехидно улыбнувшись, сказал отец Массимо.

– Конечно же, видел, святой отец. Открою вам даже небольшую тайну. Однажды приходилось и работать с представителями данной фауны, – закинув ногу на ногу, добавил Льюис.

– Тем более, Говард. Тебе и карты в руки! Значит, в любом случае найдёшь подход к нему. Он будет ждать тебя на развалинах форума, вот в этом месте, завтра, – показав на карте Рима крестик, произнёс отец Бернардо.

– А во сколько?

– В семь часов вечера. Он достаточно пунктуальный человек, поэтому не опаздывай, – с улыбкой добавил отец Бернардо, понимая, что Льюис никогда не опаздывает, а всегда приходит за полчаса до встречи и изучает местность, планируя свой отход заранее. – Так что если он будет опаздывать, немедленно исчезай с места встречи, не рискуй нашим делом!

– Могли бы это и не говорить, святой отец. Мне ещё надо что-нибудь знать?

– Не думаю, Говард, – снова уткнувшись в светящийся монитор ноутбука, сказал отец Бернардо.

– Тогда мне нужна машина или какой-нибудь другой транспорт, чтобы добраться до железнодорожного полотна.

– Держите, – бросив ключи от машины, произнёс отец Массимо. – Синий «Фиат» припаркован за церковью.

– Спасибо, святой отец, – сказал Льюис и покинул потайную комнату. Он быстрым шагом прошёл алтарь, потом центральный проход и вышел на улицу.

Светило яркое дневное солнце, которое больше расслабляло, чем способствовало новым путешествиям, которые Говард недолюбливал, хотя не знал другой жизни. Всё время на его жизненном пути возникали аэропорты, вокзалы, дороги, остановки, вагоны...

Он медленно спустился по ступенькам и прошёл на задний двор, где стоял припаркованный синий «Фиат». Он открыл дверцу и сел на водительское сидение. В его мыслях в этот момент было только одно. Ищут ли полицейские патрули и карабинеры человека в чёрном. Хотя Льюис понимал, что предьявить ему ничего не смогут, даже если остановят. У него было железное алиби, он исповедовался.

Говард завёл двигатель «Фиата», поставил коробку передач на первую скорость и стал выруливать на дорогу, направляясь к ближайшей железнодорожной станции.

Глава 2

Чечня. Вторая чеченская кампания.

Развороченные стены домов просматривались повсюду. Разрушенные улицы, утонувшие в постоянных уличных боях, уже, казалось, забывали о длительном ночном артобстреле с вертолётов и точечных артиллерийских ударов, которые выжигали, словно огонь, вахаббитскую нечисть в городе. Морозное лучистое солнце освещало развалины, где тишина казалась настолько странным явлением, что в неё даже и не верилось, поскольку невесть откуда мог про-

звучать шальной выстрел и убить наповал кого-то из спецназовцев. Под берцами скрипел снег, перемешанный со стреляными гильзами и кровавыми сгустками, оставшимися после вчерашнего кровавого боя, не прекращавшегося долгие часы. Террористы отстреливались, как могли, хотя их силы были уже на исходе, и боеспособных наёмников можно было уже пересчитать по пальцам. Тишина продолжала довлеть над бойцами спецназа, передвигавшимися по развалинам. Разбитые кирпичи, обвалившиеся стены домов – всё говорило о том, что город сравнивали с землёй. Осколки от снарядов валялись то на подмёрзлой земле, то среди щебня и развороченных стен. Повсюду лежали тела боевиков, изрешечённые от крупнокалиберных пулемётов и шрапнели. Отряд «Вымпела» продолжал передвигаться, постоянно меняя позиции, прикрываясь за стенами или за развалинами, которых было настолько много, что за каждой стеной мог притаиться либо очередной смертник, либо наёмник, обкуренный или обколотый наркотиками. И тех и других встречалось очень много, но полная собранность и внимание не могли в раз сбить концентрацию с бойцов Центра Специального Назначения.

Всё было относительно тихо, но тишина в любой момент могла оказаться обманчивой. Задач у отряда было много, но главная состояла только в одном – нужно было ликвидировать полевого командира по прозвищу Джамал и попытаться найти карту с обозначением некоторых баз незаконных вооружённых формирований.

Отряд «Вымпела» продолжал медленно, но стремительно передвигаться вглубь развалин города по разрушенным улицам, постоянно прижимаясь к уцелевшим стенам зданий, которых было одновременно и много и недостаточно, из-за размолотых осколками в крупный щебень стен, покрытых слоем полуталого снега и штукатурки.

Руки бойцов спецназа сжимали автоматы «Калашникова», «Валы» и «Винторезы», и пулемёт, полностью готовые к стрельбе.

Бойцы постоянно осматривались по сторонам и продолжали двигаться, просматривали каждый угол, каждый закоулок и каждый подвал, где могли скрываться растяжки, недобитые наёмники, истекавшие кровью, и противопехотные мины разных видов.

Отряд «Вымпела» постепенно приближался к центру небольшого городка. Нервы были натянуты, как струны у скрипки, по которой вот-вот должен был пробежать смычок скрипача-виртуоза на сеансе камерной музыки в большом зале консерватории, а потом сорвать аплодисменты ценителей музыки.

Не спеша диверсионная группа спецназа подошла к укреплениям боевиков, чем-то напоминавшие линию обороны Можино времён Второй мировой войны, только совсем в миниатюрном её исполнении.

Издали было видно, что укрепления мало пострадали от артиллерийских и вертолётных ударов, не тронувших их за ночь и заставивших город купаться в осколках и огне от ещё догорающих складов с оружием и топливом.

Тишина ничем не нарушалась. Бойцы спецназа прикинули к развалинам и взяли время на разведку и раздумья о таком необходимом штурме.

Лёгкая морозная свежесть слегка сушила глаза. Призрак поправил бронешлем «Рысь» и спросил по каналу связи:

– Командир, какие будут приказания?

Майор опустил автомат «АК-74М» с подствольным гранатомётом и, прижавшись к развалинам когда-то достаточно толстой стены, вытащил из нагрудного кармана небольшой бинокль, направил его в сторону находившихся впереди подземных укреплений боевиков.

Тишина продолжала безмолвно гостить в этом Богом забытом месте. Из свода подземных укреплений были видны только два выхода, которые в виде бетонных дзотов торчали над поверхностью земли с двух сторон, но было абсолютно неизвестно, есть ли автоматизированные пулемётные точки. Шансов на то, что дикари–вахаббиты могли их установить, было мало, но отрицать их существование стало бы крупным просчётом и, возможно, фатальной ошиб-

кой, исправить которую впоследствии будет невозможно. Командир внимательно осмотрел в бинокль укрепления и общую обстановку, царившую в округе, и, вздохнув, передал по гарнитуре бронешлема «Рысь» следующие распоряжения:

– Призрак, снимешь часовых у входа в укрепления. Бурый, Шахматист – контролируете запасной выход. Всех, кто будет оттуда выскакивать, стрелять на поражение, только Джамала не трогать, максимум лёгкое ранение. Всем всё ясно? Тогда, Призрак, твой выход.

Призрак внимательно взглянул в оптический прицел «АС Вала», заметил, что в дзоте царит спокойная обстановка и у пулемётов никого из боевиков нет, что дало ему необходимое время для быстрого выдвижения вперёд. Призрак оторвался от полуразрушенной стены и, пригнувшись, начал быстрое передвижение к укреплениям, укрываясь при небольших перебежках в воронках и развалинах после артобстрела.

Он подбежал к бетонной стене и достал из набедренной кобуры пистолет «Стечкина» с глушителем. Призрак снял пистолет с предохранителя и подошёл к закрытой металлической двери. Он, конечно же, понимал, что взрывать дверь нельзя, иначе можно было лишиться такого необходимого и важного плюса, как внезапность. Призрак всунул на мгновение пистолет «Стечкина» в набедренную кобуру, достал из нагрудного кармана разгрузочного жилета универсальную отмычку, вставил её в замочную скважину и, поковыряв в ней, открыл замок, который чуть слышно щёлкнул.

Дыхание замерло, очень могло быть так, что боевики заминировали дверь, установив растяжку или ловушку с взведённой к взрыву осколочной гранатой. Он подsunул под дверь зеркальце и, аккуратно повертев, заметил просто установленную растяжку, но сюрприза с взведённой на дверной ручке гранаты не было, что лишний раз не могло не радовать. Казалось, ещё немного, и можно будет вскрыть бутылку шампанского и прокричать «ура», подавшись веселому и радостному настроению, но до всего этого была пропасть длиною в вечность. Ту самую вечность, которую иногда сложно разглядеть, но её всегда ощущаешь, не забывая, что ты на войне, а не в мирной родной Москве.

Призрак резко вытащил из набедренной тактической кобуры «АПБ», плотно вцепившись в пистолетную рукоять и, обхватив левой рукой дверную ручку, медленным движением стал открывать металлическую дверь, потянув её на себя. Лицо боевика, сидевшего на стуле и курившего гашиш, искривилось, и спецназовец в ту же секунду нажал на спусковой крючок, поймав в прицел голову наёмника, и выжал спуск. Раздался тихий выстрел в виде «плевка», и пуля влетела боевику в голову, размазав мозговое вещество по стене. Тело тут же обмякло на стуле, и пальцы правой руки выронили косяк с гашишем, упавший на цементный пол.

Призрак зашёл внутрь и увидел слева спуск в подвал в виде винтовой металлической лестницы, по которой попадали в подземный свод укреплений. В морозном воздухе чувствовалось напряжение, давившее на виски. Голова будто разрывалась от мыслей на тему, как лучше поступить, но что-то конкретное пока в голову не приходило. Спецназовец сжал в правой ладони пистолет «АПБ» и сделал два глубоких вдоха.

– Командир, я начинаю, – сказал он по каналу связи.

– Хорошо. Как только снимешь охрану. Мы начнём передвижение к тебе.

– На входе – растяжка, я её не снял, сделаете это за меня, – бросив взгляд на закреплённую у пола осколочную гранату, проволочную нить которой он переступил, произнёс Призрак.

Он осмотрелся внимательно по сторонам, но ответ на все его вопросы находился прямо перед ним: тонкая металлическая труба, закреплённая внизу в бетонном полу, а наверху в бетонном потолке, открывала большие возможности по спуску вниз. Традиционный спуск по лестнице был довольно рискованным – в темноте можно было случайно нарваться на растяжку или какой-нибудь другой интересный «сюрприз» от вахаббитов.

Призрак хорошенько продумал все свои действия по спуску и принялся к выполнению своего задания, а именно за зачистку помещения для главного штурма, до которого оставались считанные минуты.

Призрак нагнулся, всунув пистолет в набедренную тактическую кобуру, и схватился за трубу, медленно поднимая ноги кверху и замер, зависнув на ней. Поверхность металла была гладкой, и он быстро соскользнул вниз, сделал кувырок по бетонному полу и, выхватив из ножен разгрузочного жилета боевой нож, метнул его в боевика, дремавшего на посту сидя, закрыв глаза. Нож попал наёмнику-вахаббиту в горло и раздался глухой хрип. Боевик был мёртв. В полумраке входа на подземный этаж брызнула струя крови, испачкавшая обшарпанную стену с вздутой штукатуркой.

Призрак быстро осмотрелся на месте, понимая, что пора закладывать заряд на замок и готовиться к штурму и проникновению внутрь.

– Командир, путь открыт, – передал по каналу связи спецназовец.

– Понял тебя, выдвигаемся, – сказал командир и жестом руки показал бойцам сигнал к передвижению вперёд короткими перебежками, прикрываясь за тем, что могло попасться по пути.

Бойцы «Вымпела» стремительно добрались до металлической двери дзота и обезвредили растяжку, гранату от которой один из бойцов взял себе, понимая, что в хозяйстве такое добро может легко пригодиться. Несмотря на казавшуюся вокруг тишину, любое мгновение могло стать роковым. Это все понимали и ни в коем случае не теряли концентрации, спускаясь по винтовой лестнице в полумраке вниз, аккуратно переступая ступеньку за ступенькой.

Спецназовцы осторожно спустились, стараясь не делать лишнего привлекающего внимание шума, и увидели закладывающего небольшой взрывной заряд на месте замка Призрака.

Его руки работали с предельной осторожностью, вставляя запал в размазанный на двери пластик. Капли пота на лбу пропитывали подшлемник бронешлема «Рысь». Призрак прекрасно понимал, что от его действий зависит жизнь его товарищей и успех всей операции диверсионно-разведывательной группы.

Спецназовцы готовились к приближавшемуся бою, который таил в себе угрозу, поскольку никто толком не знал, сколько боевиков внутри, и насколько хорошо они вооружены, а также понимали, что в бункере телохранители Джамала – отчаянные афганские наёмники.

– Готово, командир, – произнёс по каналу связи через гарнитуру бронешлема Призрак.

– Хорошо, – ответил командир и взглянул на наручные часы, – всем рассредоточиться по наиболее выгодным и закрытым позициям и приготовить осколочные гранаты.

Все спецназовцы прильнули к стенам, приготовив к бою каждый своё оружие, и принялись ждать хлопка от взрыва замка.

Истекали последние секунды. Внезапно раздался глухой по своему звуку взрыв, и в следующий момент раздался крик на фарси и очереди из «АКМ».

– Работаем! – резко сказал командир, и в проход посыпались взведённые осколочные гранаты, которые спустя несколько секунд разорвались, шпигуя осколками стены и тела наёмников и боевиков. Бойцы «Вымпела» ринулись в задымлённый проём двери и плотным огнём из «АК-74М» стали оттеснять боевиков с их позиций.

В следующее мгновение зазвучали ответные выстрелы. Призрак сосредоточенно, в пригнувшемся состоянии передвигался вместе с отрядом вглубь укреплений, держа «АС Вал» на изготовке и стреляя на поражение в те мгновения, когда от него это требовалось. Шёл стремительный бой. Боевики и наёмники растерялись от такой внезапной атаки, и точно можно было сказать, что их застали врасплох.

Бойцы спецназа зачищали все помещения, которые только попадались им под руку. Повсюду было практически темно лишь огонь из автоматов и оставшиеся неразбитыми лампочки от взрывов и рикошетов продолжали освещать помещения. Призрак стрелял одиноч-

ными выстрелами и при этом не старался особо экономить патроны. Боевики лезли изо всех дыр и щелей. Пустые магазины автоматов бойцы «Вымпела» едва успевали менять на полные. Шла ожесточённая перестрелка.

– Дальше бронированная дверь, командир, – прислонившись к стене, сказал Призрак. – Судя по всему, там остался Джамал и несколько его телохранителей.

– Минируй дверь. Остальным – укрыться и контролировать свои позиции.

– Понял, командир. Приступаю. – Призрак достаточно быстро облепил дверь по периметру взрывчаткой и установил детонатор. – Можно взрывать, командир.

– Спрячься и через тридцать секунд взрывавай. Бурый, Шахматист, как обстановка?

– Пока всё тихо, но что будет через пару минут, предугадать очень сложно, – просматривая территорию и обстановку вокруг укреплений, отвечали спецназовцы, готовя своё оружие к бою. Бурый передёрнул затвор пулемёта «РПК» и лёжа схватился за запасную цинковую коробку с патронами для пулемёта.

– Всё понял, мы скоро! Взрывавай! – крикнул по каналу связи командир.

Раздался взрыв. Дверь отлетела на некоторое расстояние.

– Похоже, я немного перестарался – буркнул себе под нос Призрак.

– Работаем! – крикнул командир и кинул в образовавшийся проём две осколочные гранаты.

Комната была зачищена в следующее мгновение. Среди нескольких тел боевиков на бетонном полу лежал раненный осколком гранаты в плечо Джамал.

– Ну что, Джамал, мы за тобой, – открыв забрало бронешлема «Рысь» и улыбнувшись, сказал командир.

Изо рта Джамала сыпались разного рода ругательства, произносимые на фарси. Призрак сделал несколько выстрелов над лежащим на полу террористом, дабы присмирить его пыл, и это, надо сказать, помогло. Командир начал осмотр комнаты. Внезапно Призрак нашёл сейф, вскрыть который не составляло особого труда.

– Скорее заканчивайте, нас атакуют! – закричал в канал связи Шахматист, начиная отстреливаться из «АК-74М» и сделав один выстрел из гранатомёта «Муха», а Бурый поливал приближавшихся к укреплениям боевиков свинцом из пулемёта «РПК».

– Уходим ребята, а эту скотину берём с собой, – показав на Джамала пальцем, сказал командир.

– Сейф вскрыт! – сказал Призрак, покопавшись с замком и взломав обычный механизм замка с помощью отмычки.

– Забирай всё оттуда к себе в рюкзак! Разберёмся со всем, когда будем в безопасном месте! – опустив забрало бронешлема «Рысь», произнёс командир и подошёл к запасному выходу из укреплений, который, к счастью, не нужно было взрывать.

– Хорошо, командир.

– Бурый, Шахматист, мы начинаем двигаться к запасному выходу, держите позиции, мы идём! – громко произнес по каналу связи с помощью гарнитуры в шлеме командир.

Спецназовцы вышли из двери и начали подниматься по металлической лестнице наверх. Напряжение чувствовалось в сосредоточенном лице каждого из бойцов «Вымпела». Они понимали, что с их пустеющими на глазах боезапасами не продержаться при массивной атаке боевиков и десяти минут.

Отряд «Вымпела» выскочил из дзота, застрелив по ходу двух боевиков, провалившихся, пока Бурый и Шахматист меняли магазины у пулемёта и «АК-74М» и выбежали наружу, пригибаясь и отстреливаясь последними патронами в магазинах.

Всё было как в кошмарном сне. Было уже непонятно, откуда лезут боевики.

Бойцы спецназа пятились и отходили назад. Пулемёт сзади замолчал, истощив свой боезапас, который Бурый старался расходовать, ведя прицельный, но достаточно плотный огонь

по приближавшимся к линии укрепления наёмникам и боевикам. Мелкие царапины и лёгкие ранения не заставили себя долго ждать, От них было никуда не деться. Впереди оставалось самое сложное, а именно вернуться в точку эвакуации, хотя это было совсем не просто. Катастрофически была нужна поддержка, которую командир вызвал, но до неё ещё надо было дожить, как ни парадоксально всё это казалось. Патроны кончались. Магазины пустели на глазах у бойцов спецназа, последние подствольные гранаты осколками поразили свои цели, но шума от приближавшихся винтов вертушек не было слышно, хотя парочка «Ми-24» сейчас бы была очень кстати! Повсюду разрывались гранаты от выпущенных боевиками зарядов гранатомётов типа «Муха». Нужно было держаться. Из личного оружия у отряда «Вымпела» оставались только пистолеты, которые были бесполезны в бою на расстоянии. Нужно было подпустить врага как можно ближе, чтобы дать этот последний бой.

Автоматные и пулемётные выстрелы жалили свинцовым градом укрытия, за которыми укрылись бойцы спецназа и готовились к решающему броску в виде ближнего боя. Снайперские выстрелы из винтовок «СВД» прижали отряд «Вымпела» к земле так, что невозможно было поднять голову. Внезапный звук винтов «Ми-24» и «Ми-8» прервали сыпавшийся по укрытиям свинцовый дождь, и первыми аккордами атаки разорвались пара ракет, выпущенных с вертушек. Оглушающие взрывы разбросали полуразорванные тела наёмников и боевиков, и бойцы спецназа стали отходить к точке эвакуации, замыкал группу командир, который прикрывал отход, стараясь создавать небольшую плотность огня последним оставшимся в автомате полным магазином. Он то, вставал на колени и стрелял, то пятился и стрелял, но снайперская пуля из «СВД» сразила его наповал, пробив бронезилет в районе сердца. Командир упал на снег, выгнувшись назад, и распластался на смешанных с грязью снежинках. Призрак тут же подбежал к командиру, но оказывать помощь было бесполезно. Снайперская пуля разорвала сердце, пронзив его насквозь...

– Нееееет! – закричал Призрак, и последними аккордами артиллерийского удара ракетами с боевых вертолётов были поражены оставшиеся позиции боевиков...

Москва. Наши дни. Николо-Архангельское кладбище.

Стоял морозный декабрь. Ещё, казалось, не так давно была осень, но на самом деле морозы давно закрепились и не хотели уступать своё место слякоти, которая всегда и неотъемлемо сопровождает любую зимнюю пору.

У могилы возле заснеженной металлической ограды на мёрзлой земле стоял мрачный мужчина средних лет, среднего роста, одетый в чёрный костюм из-под которого виднелась чёрная сорочка и чёрно-красный галстук, чёрное пальто дополняло единый далёкий от празднеств образ.

С виду казалось, что он о чём-то думает или что-то вспоминает, пытаясь не упустить ни малейшей детали, чтобы погрузиться в свои воспоминания. Мысли, казались, относили его куда-то далеко-далеко, где уже не было ничего, но память изо дня в день продолжала терзать душу.

Дул сильный северный ветер. В этом году выдался довольно холодный и морозный декабрь. Падал небольшой, едва заметный снег, который ложился на могилы и землю.

Холодный ветер обдувал лицо мужчины. Издалека чувствовалось, что он был подавлен и переживание не отпускало его, но в его зеленых глазах продолжал гореть огонь, который нельзя было погасить ничем. Возможно, этот адский огонь сжигал людские судьбы, не оставляя никаких шансов для того, чтобы что-то исправить или повернуть время вспять. Это было уже невозможно, но что можно было считать невозможным, сейчас уже не знал никто, да и не мог узнать. В его голове нарастало напряжение, и оно не поддавалось ему и не поддавалось бы психоаналитикам, которые так любят копаться в чужих судьбах, пуская тем самым под откос свою.

Внезапно зазвонил смартфон. Мужчина достал его из бокового кармана пальто и, вздохнув, ответил:

– Слушаю.

– Андрей, приезжай в контору. Похоже, для тебя есть дело, – мужской голос в телефонной трубке звучал серьезно и немного взволнованно.

– Хорошо, я скоро буду, – ощущая, что постепенно возвращается в реальность, ответил мужчина. Он резко взглянул пару секунд на небо и добавил:

– Я помню тебя командир.

Призрак шёл размеренным шагом, проходя по заснеженным аллеям, которые остались после ноябрьского снегопада. Снег продолжал падать, осыпая его чёрные короткие волосы аккуратными чуть заметными снежинками.

Он вышел за пределы кладбища и сел в свой внедорожник «БМВ», ощущая небольшую тяжесть в сердце, и на мгновение закрыл глаза, словно прокручивая в голове давно ушедшие годы. Аккуратно проведя рукой по волосам, Призрак поправил свою короткую причёску и завёл двигатель машины. Рука коснулась переключателя вентилятора, и на лицо подул тёплый воздух, согревая мраморного цвета кожу, на которой мороз оставил лёгкий румянец.

Он быстро поставил ручку автоматической коробки передач в положение «Drive» и, развернувшись, выехал с парковки на трассу. Его голова была забита множеством мыслей, так и не дававших ему покоя, даже спустя минувшие года, которые бурным потоком проливались и исчезали, словно с потоком ледяной воды из горного ручья.

В этой воде он видел своё отражение, говорившее с ним и желавшее напомнить ему о прошлом и рассказать что-то ещё, то, от чего он был ещё так далёк, и этому не было никаких разумных объяснений. Всё терялось и растворялось перед его глазами, как снег, таявший на лобовом стекле. Дорога уходила в центр Москвы. Одна улица сменялась другой, один квартал исчезал за другим.

Иногда Андрею Викторовичу казалось, что вот-вот всё пройдёт само собой, унося всё в никуда. Не будет больше недосказанности, холодных и мрачных взглядов, исканий и остального, характерного к его роду профессиональной деятельности.

Судьба не была благосклонна к Призраку, она каждый раз отбирала у него все плоды его побед и достижений, но Андрей со временем привыкал к этому столь обидному для себя факту и старался не противиться предначертанному, понимая, что происходящее с ним обязательно должно было случиться и пройти сквозь него. Этот осадок он нёс всю свою жизнь и мирился с ним, не задавая судьбе лишних вопросов, принимая всё как должное.

Призрак ехал по центру Москвы, петляя с одной улицы на другую, словно по привычке сбрасывал слежку или «хвост», как выражались некоторые другие оперативники. Ещё мгновение – и он повернул в открывшиеся перед ним глухие металлические ворота и, проехав по небольшой закрытой территории несколько метров, заехал в подземный гараж, припарковав машину на забитой до отказа парковке. Он заглушил двигатель, выключил вентилятор и вытащил ключ из замка зажигания. Рука скользнула по дверной ручке, открыв левую дверцу, и Андрей поставил ногу на бетонный пол. Тёплое дыхание разорвало поток холодного воздуха, и майор Романов вылез из своего внедорожника «БМВ» и, прихлопнув дверцу, поставил автомобиль на сигнализацию.

Он слегка зевнул, поежился от холода, потер левой рукой слегка уставшие глаза и направился к входу в управление.

Ощущение усталости не оставляло его. Его не особенно заботило то, что перед ним, судя по задумчивому и взволнованному голосу его начальника, стояло очередное нелёгкое задание, больше его интересовало, где найти силы, чтобы перебороть собственные воспоминания и эмоции, которые словно ледяные глыбы застыли перед ним навеки.

Пройдя целенаправленным шагом несколько метров, он открыл дверь, проскользнул мимо дежурного, который взял под козырёк и слегка улыбнулся, приветствуя майора Романова.

Призрак поднялся по мраморной лестнице, устеленной красным ковровым покрытием, на третий этаж. Яркое дневное освещение резало глаза, но поделаться с этим ничего было невозможно.

Андрей кинул взгляд на стену, облицованную деревянным покрытием, а мгновением позже опустил его на ковер, лежавший под ногами. Мысли разбегались, словно едва заметные пылинки, которых на этом ковре хватало, что было ещё одним минусом тем уборщицам, которые следили за чистотой в здании. Романов прошагал по длинному коридору, несколько раз перекинувшись приветствиями со своими коллегами, и подошёл к кабинету полковника Громова.

Тусклое дневное освещение угнетающе действовало на психику Призрака, раздражая его до глубин души. Он аккуратно постучал костяшками пальцев по дверному полотну и тут же услышал ответ.

– Да, да. Войдите.

Дверь приоткрылась, и на пороге кабинета полковника Громова показался майор собственной безопасности ФСБ Романов.

– Заходи, Андрей, – с какой-то долей задумчивости в голосе сказал полковник, продолжая сидеть в своём рабочем кресле за массивным столом.

Полковник Громов был весьма видным мужчиной, ростом чуть выше среднего, с кругловатым лицом и светлыми короткими волосами, а его карие глаза пронизывали насквозь, пристальный взгляд напоминал сканер, заменявший ему результат теста на полиграфе. Кабинет выглядел по-обычному, как стандартное место работы старшего офицера ФСБ. Без всяких излишеств или роскоши в виде экзотических статуэток или прочего антиквариата. Полковник Громов был минималистом, склонным к спартанским обстановкам с полным набором нужных для работы вещей и средств.

Увидев майора Романова, он улыбнулся, стряхнув несколько пылинок с пиджака дорогого тёмно-синего костюма из отличной шерсти, и добавил:

– Снимай пальто и присаживайся поближе.

Призрак зашёл в кабинет полковника, снял чёрное пальто, которое слегка намокло в области плеч и спины от только что растаявшего снега, и повесил его на вешалку в углу, у небольшого шкафа.

Романов не спеша сел за длинный стол, выполненный в виде буквы «Т», на рабочее кресло, и со всем вниманием окинул Громова внимательным взглядом. Майор Романов был одним из тех редких людей, которые внимательно могли слушать и улавливать сказанную информацию налету, чем мог похвастаться не каждый нынешний полевой оперативник. Его хорошо развитая практически идеальная зрительная память помогала всё до конца понимать и осознавать, мгновенно и правильно анализируя и расставляя приоритеты по своим местам.

– Я вас слушаю, Михаил Иванович, – положив руки перед собой на столе, произнёс Андрей

– У нас, похоже, довольно серьёзные проблемы, – слегка потеряв переносицу, начал Громов, завертев в руках шариковой ручкой «Паркер». – Начну, как всегда, с начала! – кинув пристальный взгляд на разложенные перед ним на рабочем столе материалы, начал он. – Физики-ядерщики не так давно разработали вещество, которое предназначалось для начинки баллистических ракет нового поколения, и тем самым сделали первый пробный образец, который, как ты понимаешь, сразу поместили в надёжное хранилище и засекретили...

– Но, судя по всему, всё не так гладко получилось... – задумчиво прервал полковника Громова Призрак.

– Да! Два офицера первого управления захотели подзаработать! Вот их личные дела, – протянув две папки майору Романову, сказал Громов и продолжил. – Майор Копылов и капитан Кривицкий выкрали образец из хранилища в НИИ им. Курчатова и через канал контрабанды вывезли на частном самолёте за границу. Сначала в Берлин, а потом в Париж, где собирались продать это вещество агентам ЦРУ. Нам, ценой невероятных усилий, удалось сесть им на «хвост», но в одном из отелей Парижа они были убиты, а образец бесследно исчез в неизвестном направлении...

– Захватывающая детективная история, товарищ полковник, – просмотрев быстро личные дела предателей, произнёс майор Романов, переведя вновь взгляд на полковника Громова.

– Теперь главное! Твоя задача будет состоять в следующем: во что бы то ни стало надо найти и вернуть образец в хранилище. Ты полетишь в Париж. Помни одно! О твоём присутствии не должен знать никто, будь, как всегда, призраком. Не лезь на рожон, спешка здесь ни к чему, но и медлить нельзя! Никто не знает в чьих руках образец и что с ним сделают... Всё понятно? – встав из-за стола и наливая в стакан минеральную воду, из только что открытой стеклянной бутылки, стоявшей на столе рядом с небольшим стеклянным стаканом, добавил полковник.

– Да, Михаил Иванович. Но наш-то связной надеюсь, будет в курсе? – переведя взгляд с личных дел в сторону небольшого книжного шкафа, спросил Призрак.

– Само собой, Андрей. Я свяжусь с ним. Ещё какие-то вопросы? – сделав небольшой глоток минеральной воды из стакана, спросил Громов.

– Когда вылетать? – потеряв ладонями, добавил Романов.

– Завтра вечером. Билет я тебе уже забронировал на имя Алессандро Гамберини.

– Ясно, товарищ полковник.

– Ещё есть дополнительные вопросы или пожелания, Андрей? – допив воду, спросил полковник Громов и сел обратно на своё рабочее кресло.

– Нет, – помотав головой, ответил Призрак. – Все ресурсы резидентуры в Париже в моём распоряжении?

– Конечно! Мог об этом и не спрашивать.

– Великолепно! Я всё понял, – встав из-за стола, добавил майор Романов и, пройдя пару метров, снял с вешалки у шкафчика своё пальто и подошёл к двери. – Я могу идти?

– Да! Ты свободен. Все материалы, которые возможно тебе смогут пригодиться, здесь, – подойдя к Призраку и передав ему в руку карту памяти, сказал полковник. – Держи меня в курсе всех событий по установленному каналу связи, – добавил Громов и пожал руку Андрея.

– Само собой, товарищ полковник, – ответил Призрак и нажал на дверную ручку.

– Удачи, Андрей.

– Спасибо, – выходя из кабинета, добавил Романов.

Он закрыл за собой дверь и направился по коридору к своему кабинету, чтобы приготовить к командировке кое-какие вещи, без которых обойтись никак не мог.

Его тяжёлые шаги продолжали отзываться стуком каблучков ботинок на мраморном полу, удары которых смягчало лишь ковровое покрытие, расстеленное вдоль коридора.

Призрак подошёл к двери своего кабинета и, достав связку ключей, вставил ключ в замок и повернул его несколько раз против часовой стрелки. Рука быстро скользнула по дверной ручке, и он зашёл в свой кабинет, который был погружён в утренний мрак.

Голова была тяжёлой и уставшей. Романову в эти мгновения всё было абсолютно безразлично. Было совсем неважно, что потребует от него день грядущий, и какой он будет, что принесёт за собой. Всё это было полностью неважно, хотя что можно было ждать от усталого человека, который великолепно выглядел на свои годы и даже чуть моложе, а внутри ощущал старость и отсутствие возможности увидеть что-нибудь удивительное, то, что обязательно бы смогло увлечь Андрея и позвать его за собой. Что это могло быть? Ответа на этот вопрос майор

Романов не знал, да и какая была разница, ведь перед ним стояла очередная тяжёлая миссия с финалом, который мог привезти его так далеко, что узнать это наверняка было абсолютно невозможно.

Призрак включил в кабинете дневное освещение, режущее глаза. Он сел за рабочее место и достал из-под стола сумку, которую никогда не убирал далеко, понимая бессмысленность этого, поскольку без командировок он не мог обходиться. Сегодня здесь, а завтра где-то там, и кто знает, где и с кем? Всё было неопределённым, и нельзя было точно сказать, кто именно был врагом, поскольку сегодняшний враг внезапно мог стать завтра другом или братом. Играть в эту жизнь Романов умел. Иногда ему казалось, что эта игра не закончится никогда и никогда не будет даже небольшой передышки, чтобы отдохнуть и привести мысли и чувства в порядок. Хотя, если подумать, возможно, это было и не нужно, потому что любая остановка не предвещает ничего хорошего, а остановка после большой победы тем более. Ведь после праздника случается похмелье, от которого очень трудно избавиться, и это Андрей знал как никогда и хорошо понимал, что однажды он проснётся в другом мире, где будет всё уже совсем по-другому.

Он быстро покидал необходимые ему вещи из ящиков стола и застегнул молнию на сумке. Романов резко встал из-за стола и, пройдя несколько метров, выключил свет и покинул свой кабинет, закрыв замок на ключ.

Лёгкая тяжесть продолжала не отступать. Немного болела голова, но собственно рассчитывать на отпуск по состоянию хронической усталости было глупо и по-детски. Поэтому приходилось только изыскивать внутренние резервы из организма, которые, надо сказать, были уже на исходе, хотя надежда, как всегда, умирала последней, и шанс на небольшой отпуск после удачно проведённой миссии было не так глупо. Вопрос состоял лишь в том, сколько понадобится времени на поиски образца, который мог быть уже далеко от Парижа. Нужно было во что-то верить, и Андрей верил, что небольшие наработки у резидентуры в Париже уже есть, а значит, нужно было только правильно их развить, хотя возможность того, что всё могло зайти внезапно в тупик отрицать не стоило.

Романов быстро спустился по лестнице на подземную парковку и, пройдя мимо дежурного, направился к своему автомобилю.

Громов сидел за рабочим столом, откинув голову на спинку кресла, и размышлял над возможным исходом операции, прекрасно понимая, что найти образец будет крайне сложно, а может, даже и невозможно. Он в очередной раз задумался о том, что каждый раз, когда ему приходилось отправлять Призрака на задание, тот всегда добивался положительного результата, стараясь во всех своих действиях не задумываться над той ценой и жертвами, необходимые для достижения успеха всей операции. Михаил Иванович хорошо знал Романова с детства и был ему дальним родственником. Личное дело Призрака считалось строго засекреченным и хранилось в сейфе генерала собственной безопасности ФСБ Васильева, непосредственного начальника Громова, который был весьма скользким и непостоянным человеком в своих суждениях и действиях, но в тоже время и прямолинейным, хотя его прямолинейность была несколько однобокой.

Изредка вспоминая ушедшие в пустоту годы, Михаил Иванович помнил, как ему удалось вытащить Андрея из глубокой психологической «ямы», где тот находился после смерти отца, не находя выхода из создавшегося положения. Но в один прекрасный день Громову удалось вдохнуть в Романова новую жизнь, и тогда на свет появился Призрак – бесстрашный офицер, который верой и правдой служил своему Отечеству. О нём ходили легенды, и их сущность была проста, как сама истина. Его слегка мерцающие во тьме зелёные глаза заставляли покрываться ледяным потом, даже выдавших виды оперативников. Одним словом, майор Романов

был лучшим, и его использовали только в самых критических ситуациях, и пропажа образца была именно такой.

Внезапно раздался звонок телефона. Громов слегка вздохнул, медленно возвращаясь к своей работе, какую он на несколько минут прервал, чтобы немного отдохнуть и снять с глаз напряжения, забыв тем самым на время мелкий шрифт отпечатанных материалов. Он протянул руку к телефонной трубке и, сняв её, ответил:

– Слушаю.

– Добрый день, Михаил Иванович, – раздался в трубке голос генерала Васильева.

– Да, Юрий Сергеевич, – выпрямив спину, ответил он.

– Как обстоят дела по поводу пропажи образца начинки для баллистических ракет?

– Работаем. Завтра в Париж вылетает Призрак. Я склонен думать, что всё не так безнадежно, как думается на первый взгляд, – кратко и лаконично разложил Громов.

– Что ж, будем надеяться, Михаил Иванович. Будем надеяться. Мне докладывать по мере поступления любой свежей информации, – с некоторой долей пессимизма в голосе сказал генерал Васильев.

– Будем надеяться, товарищ генерал.

– Удачи, Михаил Иванович, она нам очень ещё понадобится, – сказал Юрий Сергеевич и положил трубку телефона.

Романов открыл ключами дверь своей квартиры и неспешно вошёл, стряхивая с себя успевшие на него упасть за несколько минут снежинки.

Жизнь как будто сама расплывалась перед ним, исчезая в небытии, и остывшими осколками мечтаний разбивалась вновь. Утерянные страницы книги жизни, которую Андрей писал своими воспоминаниями и старыми, забытыми чувствами, которых накапливалось из года в год всё больше и больше.

Он поставил на деревянный комод в коридоре сумку, которую держал в правой руке, и, посмотревшись в зеркало, снял с себя пальто, повесив его на вешалку в шкаф-купе.

В голове у него царил смятение и бессмысленность всего происходящего с ним. Он чувствовал себя в какой-то мере потерянным, поскольку не знал и не понимал, чего же ищет в этой жизни. Создавалось такое впечатление, словно всё было как во сне и происходило отнюдь не с ним, а с кем-то другим, тем, кого он никогда не знал и считал, что никогда не будет знать. Всё терялось и бессловесно пропадало в глубинах сознания. Жизнь одна, но историй жизни тысячи, миллионы, и все они похожи, даже несмотря на то, что на самом деле очень разные.

Призрак сильно потёр ладонями лицо и прошел в гостиную. Зимний мрак комнаты отозвался у него где-то глубоко в душе, исчезая старым призраком разочарований, и скрылся в тёмных углах гостиной.

– Какая странная жизнь... – вполголоса произнёс Романов и подошёл к дивану, аккуратно сев на него. Он снял пиджак и положил его на стоящее рядом кресло с чёрной кожаной обивкой, впрочем, такая же какая была у дивана, на котором он сидел.

В комнате царил зимний полумрак, на город опускались сумерки. Он вытащил из плечевой кобуры «ЗИГ-Зауэр П-229» и положил его на стеклянный журнальный столик, где стояла бутылка ирландского виски и лежала коробка с сигарами. Призрак снял плечевую кобуру, бросив её на лежавший в кресле пиджак, и закурил сигару, рассматривая висящий на стене зимний пейзаж.

Андрей любил живопись и искусство в целом и без картин не представлял себе жизни. На зимнем пейзаже простиралась небольшая полянка, окутанная снегом, и стояли красивейшие ели, которые ласково и морозно освещало зимнее солнце. Запорошенные иголки смотрели на природу, а природа смотрела на них и была тишина, а также покой, который нельзя было нарушить абсолютно ничем.

Его взгляд блуждал по картине. Изредка Андрей посматривал на деревянную стенку – она была одним из любимейших предметов мебели в его квартире. Стенку сделали лучшие мастера-краснодеревщики, которых Андрей только смог найти во всей Москве. Красивый дубовый деревянный массив и великолепная фигурная резьба – в комплексе это смотрелось просто потрясающе, и было совсем не жалко затраченных на её покупку денег, доставшимся тяжёлым и опасным трудом.

Романов откинул голову на спинку дивана и задумался. Он думал о многом и в принципе ни о чем. Ему казалось, что опять что-то растворялось вблизи него. То, что он так и не заметил вновь, а может быть, и специально не стал обращать на это внимание. Многое случалось в его жизни и многое как приходило, так и исчезало, оставляя за собой лишь занесённый утренним снегом след.

Его сознание постоянно кидало то в одну, то в другую сторону, словно пытаясь что-то ему сказать: к чему-то воззвать или призвать, но Романов по-прежнему и упорно старался это всё не замечать, чтобы не делать лишний раз себе больно... Он помнил всю боль, которую прошёл в своей жизни и старался забывать о ней. Ведь прошлое прошло, а значит, впереди только что-то новое и старое больше уже не повторится никогда.

Призрак понимал всю сложность возложенного на него задания и пытался трезво размышлять, делая для себя нужные пометки в голове. Ему было понятно, что, скорее всего, в этом деле не обойдётся без «серых кардиналов», которые как всегда где-то прятались в тёмных комнатах, среди тёмных фигур, таких же мрачных, как они сами. Но, что он мог один со всем этим поделаться? Только принимать чужие правила игры и попытаться внести во всё происходящие элемент неожиданности и попытку вцепиться в ту неразбериху, которую, скорее всего, внесёт своими действиями, которые противнику ещё нужно будет прочитать, а прочитать их будет не так легко!

Он открыл глаза и включил свет, нажав переключатель. Внезапно засияла люстра, разливаясь по гостиной ласковыми и тёплыми лучами. Романов положил сигару на пепельницу и отвинтил крышку бутылки с ирландским виски.

Потерев правой рукой уставшие глаза, он взял стоявший рядом стакан из чешского стекла и резко дунул в него, избавляясь от мельчайших частиц пыли, которые могли осесть за несколько часов, и налил в него немного виски.

Призрак потёр переносицу и сделал небольшой глоток. Теплота напитка разливалась по всем внутренностям, немного расслабляя его. Романов сделал ещё пару тяг кубинской сигары и затушил её, удобно расположившись на диване. Кожаная обивка немного скрипнула под ним, и Призрак положил голову на подлокотник, на мгновение закрыв глаза.

В ту же секунду в его голове словно сработал какой-то механизм. Всё расплывалось палитрой потускневших от времени красок, а лёгкое забытьё добавило всему ярко-белый фон. Нет! Это его не пугало, это было отчуждение от всего и покой, покой среди тишины, который нельзя перепутать ни с чем. В ней нет ничего. Тем она и прекрасна, а пустота – это всего лишь на всего наша настоящая жизнь...

Романов спал. В этом его сне не было ничего, и тем самым он был прекраснее всего и желаннее всего. Где-то на заднем плане грохотали выстрелы, шумели взрывы, но они не нарушали его покой, а только примешивали к палитре ярко-красный цвет, который сливался с ярко-белым, и пустота оставалась неизменной. Ему не хотелось в неизбежную реальность, хотя понимал, что сон когда-нибудь прервётся и наступит день или вечер... То, новое, что неизбежно сменяет старое потускневшее и жизнь начинается снова!

Глаза Романова внезапно открылись, и он проснулся. Андрей лежал всё на том же чёрном кожаном диване в гостиной и смотрел на потолок. Настенные часы показывали десять утра. До самолёта было ещё уйма времени. Он окинул своим взглядом стенной шкаф-купе и сел на диване.

– Опять утро, – вздохнув, произнёс Призрак и, встав с дивана, подошёл к окну, резко отдернув шторы. На улице было пасмурно, но снег больше не падал. Ему казалось всё бессмысленным и не заслуживающим внимания. Романов потер рукой глаза, пытаясь окончательно скинуть с себя последние признаки крепкого сна, и его голова, будто какой-то незримый счётчик, стала отсчитывать годы, погружая его в прошлое. Он ощущал себя как во сне, смотря на заснеженные деревья и дорожки. Призрак вспоминал те частицы своей биографии, от которых был настолько далёк, что даже уже не представлял себе сам всего этого. Иногда ему хотелось вернуться назад, вспоминая годы своей юности, которые так и не принесли ему никакого счастья, а скорее, даже пропитались горечью потерянного и необратимого, одним словом, того, что невозможно было вернуть, то, что осталось в памяти у Романова навсегда. Эти воспоминания часто мучили Призрака, не давая ему спокойно жить и забыть всё раз и навсегда, но вдруг что-то отрезвило его, вернув в настоящее. Он вытер правой рукой со лба холодный пот и отошёл от окна, направившись в ванную.

Проходил час за часом. Романов надел чёрный костюм с белой сорочкой и красно-чёрным галстуком в виде чернильной кляксы на тёмно-красном фоне. Андрей быстро проверил содержимое всего багажа, который он брал с собой, и вынес чемодан в коридор.

Призрак не спеша надел ботинки и пальто, посмотрелся в зеркало и покинул квартиру, держа в руках чемодан и сумку с ноутбуком. Позвонив связкой ключей, он закрыл дверь квартиры и положил связку в боковой карман пальто. Андрей подошёл к дверям лифта и нажал на кнопку вызова, принявшись ждать кабину, на которой только оставалось спуститься вниз. Двери лифта открылись перед ним, и он спустился на первый этаж, покинув лифтовую кабину. Романов вышел на улицу, подошёл на стоянке к своему внедорожнику и, сняв машину с сигнализации, положил весь свой багаж на заднее сидение «БМВ», а потом сел за руль. Впереди была дорога в аэропорт «Шереметьево».

Глава 3

Пригород Палермо.

Говард сидел на скамейке на перроне и дожидался поезда на Рим, который относительно скоро должен был появиться вдалеке.

Он сидел и вспоминал прошлое. Лёгкий ветерок обдувал его лицо, а солнце своим закатом освещало унылый одинокий пейзаж. В воздухе чувствовалась морская свежесть. Погода была прекрасной и такой ненавязчивой, а багровый закат вечера давал глазам насладиться великолепной картиной природного ландшафта.

Льюис чувствовал, что теряется среди всего этого волшебства, как гадкий утёнок, который делал своё дело и улетал в неизвестность, оставляя за собой лишь след на выжженной земле. Иначе он не мог.

Говард пришёл в Доминиканский орден и стал терциарием, пытаясь заглушить боль прошлого, прошлых ошибок и ужасных недочётов, оставлявших за собой кровавый след. Он понимал, что его служба в САС была некой прелюдией к тому, чем теперь он жил. Льюис хотел искупить свои прошлые грехи, хотя понимал, что сделать это будет не просто, а скорее всего, очень сложно. Стать человеком в этом мире ужасно тяжело, но пытаться надо было, но что из этого получится, было неизвестно, как бы при этом ни хотелось познать будущее: оно всё равно будет скрыто густой пеленой и приоткроется лишь в последний момент.

Говард сжал кулаки в боковых карманах плаща и, встав со скамейки, посмотрел вдаль, видя приближавшийся поезд, гудевший на подходе к перрону. Льюис осмотрелся по сторонам, внимательно рассматривая каждую мелочь, а главное, отсутствие полицейских или карабинеров, которые могли искать подозрительного мужчину в чёрном и, не увидев никого, слегка успокоился, подождав полной остановки поезда. На перроне кроме него не было никого. Видимо никому не нужно было на север, ведь что там в холоде можно было сделать простому сицилийцу, жизнь которого должна проходить в Сицилии в тепле, хотя зимнее тепло было

условным. Нет, оно, конечно, было лучше, чем погода в Лондоне, но климат Великобритании Льюис абсолютно не переносил, хоть и родился в Лондоне в семье военного и продолжил военную династию своей семьи, от которой уже не осталось и следа. Говард был последним Льюисом в семье. Братьев или сестёр у него не было. Он был один, как перст, что было как хорошо, так и ужасно. У всего в этой жизни два конца, как пример обычной палки, которую так любят ломать мальчишки, играя на заднем дворике в саду. Таким же когда-то был и он сам, только с тех пор прошло очень много времени и подсчитать уже, сколько было всего сломано за его жизнь, не представлялось возможным. Ведь кто рискует – побеждает! Как молитву, Говард помнил девиз САС, не раз спасавший ему жизнь в Ираке.

Льюис ненавидел Ближний Восток и терпеть не мог заносчивых янки, которые всегда лезли не в своё дело, а британцы, не имея собственного мнения, лезли туда же, куда и долбаные политики из Белого дома в Вашингтоне. Впрочем, для него всё это было уже делом вторым. Первым делом для Говарда теперь была служба Господу и избавление этого мира от тех ересей, какими он был заполнен.

– Всеми своё время, – произнёс в полголоса Льюис и влез на поезд, предъявив билет проводнику, который указал ему на его место.

Говард прошёл в вагон и сел на своё кресло, понимая, что пришло время немного отдохнуть и наконец поспать. Ведь что мог принести день грядущий, Льюис не знал, поэтому стоило воспользоваться днём настоящим, чтобы набрать необходимые силы и восстановить ресурсы организма.

Поезд неспешно тронулся с места и стал набирать скорость.

Говард бросил взгляд в окно на морскую даль и закрыл глаза, проваливаясь постепенно в сон.

Лэнгли. Штат Виргиния. Штаб-квартира ЦРУ.

Замдиректора ЦРУ Пол Нолингтон резко зажмурил от напряжения глаза, чувствуя, что больше не может читать этот отчёт, который ему предоставил глава отдела секретных операций и в котором описывался один из самых крупных провалов за последние время. Нолингтона просто тошнило от действий оперативных служб, выпустивших из-под самого носа образец, который был нужен американской демократии как никогда. Особенно в то время, когда страна переживала не лучшее время, и один Бог или чёрт знал, что будет с ней дальше.

Пол погрузил свой взгляд в темноту кабинета, обставленного в самом современном стиле, чтобы не отставать от прогресса дизайна, и поднес к глазам ладонь, аккуратно прикрыв их на время. Он крепко задумался, желая понять и увидеть все просчёты, которые были совершены во время проведения спецоперации, но полностью оценить весь провал ему было так и не суждено. Ругаться у него уже не было сил. За окном стояла ночь, возраст давал уже о себе знать, шестьдесят лет уже не спрячешь.

Нолингтон открыл глаза и, продолжая раздумывать, бросил взгляд на стеллажи, уставленные папками и скоросшивателями с документами, и на шкаф, одиноко смотревший прямо на него. Замдиректора взял со своего рабочего стола очки в золотой оправе и надел их на нос, пригладив рукой короткие седые волосы.

Пол вновь погрузил свой взгляд в отчёт, лежавший в открытой папке перед ним и, ослабив голубоватый галстук, отлично подходивший к его блестящему синему в полоску костюму, почесал круглый подбородок и недовольным голосом произнёс:

– Мистер Майерс! Вы хотя бы представляете, какая провалена операция? Она была необходима для нас, а что теперь? Мы вынуждены начинать всё с нуля. Поскольку образец пропал, а люди, с которыми мы работали, убиты. Надеюсь, хотя бы деньги, которые запрашивали эти офицеры российских спецслужб, на месте?

– Конечно, мистер Нолингтон, – посмотрев на декоративный пистолет девятнадцатого века, стоявший у замдиректора на столе, сказал Дэниел Майерс.

– И то хорошо! – вспыхнул Пол.

Внезапно зависла короткая пауза и наступила тишина, во время которой Майерс успел оглядеть все картины гражданской войны за независимость, развешанные по всему кабинету, и снова уставиться на замдиректора.

– Ладно, – начал Нолингтон, – что было, то было! Теперь слушай мой новый приказ. Во что бы то ни стало надо найти образец, который нам предлагали русские и доставить его сюда, в штаб-квартиру, – встав из-за рабочего стола, сказал замдиректора, неспешно подойдя к окну, завешанному жалюзи.

– Я прекрасно понял ваш приказ, но мы даже не знаем, где он может быть, – с какой-то растерянностью и неопределённостью в голосе, продолжил Майерс.

– Понимаю вашу озабоченность, но мне отнюдь не легче, чем вам, а может, даже и сложнее. Потому что меня в любой момент могут заслушать на заседании Конгресса или Сенатской комиссии по делам обороны. И то и другое – не лучшее времяпрепровождения, скажу вам, Майерс. Эта операция стоит на контроле у директора, который держит в курсе вице-президента.

– Я всё понимаю, сэр! Пусть нам не повезло в первый раз, но второй раз, я бьюсь об заклад, нам повезёт больше! – со всей серьёзностью и твёрдой верой в себя и свои силы сказал Дэниел.

– Наш провал сильно задел верха, мистер Майерс, – с лёгким раздражением в голосе добавил Нолингтон. – А насчёт того, где его искать... Думаю, он не мог уйти далеко.

– Это как сказать, сэр, – переводя беседу в ранг более спокойной, продолжил Майерс.

– Понимаю вашу озабоченность, но мне ничем не легче, Дэниел. На меня давит директор, которому в его политических играх этот образец нужен как воздух. Видимо, он метит в сенаторы, а мне пока даже нечего толком ему ответить.

– Догадываюсь, сэр, но мне даже на ум не приходит, кто мог провернуть эту операцию у нас под носом. Мы ведь всё контролировали. Везде были наши камеры видеонаблюдения, в небе крутился беспилотник, наши люди держали позиции, готовые в любой момент защитить образец. Но в итоге всё получилось как получилось, и ничего при этом мы особого не увидели: только погасший на пару минут в отеле свет и отравленных нервно-паралитическим газом оперативников, ну и два трупа в номере, которыми являлись два офицера российских спецслужб. Может, это была спецоперация русских?

– Едва ли! Тогда бы взяли кого-нибудь из наших. Скорее всего, Дэниел, это был кто-то другой, но тоже очень заинтересованный в образце. Они знали все наши позиции заранее. Проще говоря, нас кто-то продал, и, наверное, этот кто-то – из своих, или один из тех, кого убили во время операции. Точно вы не нашли ничьих следов? – вернувшись обратно за стол и удобно усевшись в кресле, спросил Нолингтон.

– Абсолютно точно, сэр! Ни отпечатка, ни гильзы. А смерть двух офицеров ФСБ наступила от сердечного приступа, но были обнаружены на их телах следы укулов от металлических шприцов в области шеи. Их отравили каким-то ядом, – ходя из стороны в сторону по кабинету, сказал Майерс.

– Хорошо, тогда давай подумаем, кого из агентов мы отправим на это весьма сложное и ответственное задание, – сняв очки и положив их на стол, произнёс Пол.

Майерс взял паузу в разговоре, чтобы немного подумать и, оглянувшись по сторонам, снова пристально посмотрел на Нолингтона и добавил:

– Я, думаю, что для такого задания может подойти агент Стивенсон. Она сейчас отдыхает у себя дома в Нью-Йорке.

– Хорошо, Дэниел, полностью положусь на ваш выбор, но я бы хотел поближе ознакомиться с её личным делом и узнать все слабые и сильные стороны агента Стивенсон.

– Я всё понял, сэр! Её личное дело лежит у меня в сейфе.

– Тогда не будем терять время и изучим его вместе немедленно, – взявшись за телефонную трубку, сказал Нолингтон.

Майерс задвинул за собой рабочее кресло, на которое так ему и не пришлось сесть и, одёрнув пиджак тёмно-синего костюма, вышел из кабинета замдиректора.

О Дэниеле Майерсе можно было говорить много, даже очень много. Он был достаточно противоречивой личностью в Лэнгли. У него часто менялось настроение и поведение. Что про него можно было сказать стопроцентно, так это то, что Дэниел был достаточно исполнительным человеком. Сам он был невысокого роста и имел короткую причёску чуть светлых волос. Ему было сорок шесть лет. За его спиной стоял весьма солидный послужной список, где говорилось, что он успел побывать и поучаствовать во многих секретных операциях по всему миру, не желая даже вспоминать о них, временами чувствуя свою вину за множество погибших офицеров ЦРУ и АНБ. Одним словом, всех пересчитать он бы точно не смог, не хватило бы пальцев. Одно было известно точно – во всех смертях был виноват прямо или косвенно только он и никто другой. В этом отношении его опыт был бесценным.

Ирак. 2005 год.

В городе шёл ожесточённый бой. Повсюду горели автомобильные покрышки, догорали кузова машин после взрыва. Горел песок от разлитых горюче-смазочных материалов. Разрушенные дома и здания, обвалившиеся наполовину или на две трети после бомбёжек, продолжали осыпаться. В некоторых местах ожесточённое сопротивление оказывала национальная гвардия, понимая, что они обречены на смерть, но на славную смерть.

Огонь охватывал своим пламенем всё, что только было возможно, полыхая из окон, развороченных после бомбёжек домов. Кислорода в воздухе катастрофически не хватало, на первый взгляд, казалось, что дышать было просто нечем, поскольку весь воздух сгорел сам заживо, а адское пекло продолжало палить с небес на раскалённую песчано-каменистую землю.

Отряд «морских котиков» приближался к условной точке, преодолевая небольшие перестрелки, завалы и передвигаясь достаточно плотно, контролируя все возможные вылазки гвардейцев из продолжавших осыпаться зданий. Каждый неосторожный шорох приводил отряд к полной готовности дать отпор врагу. Только был ли на самом деле кто-то из защищавшихся врагами, ответить могло лишь время, и оно дало свой ответ, который для многих так и остался слишком прямолинейным и однозначным.

– Анджелина. Мы практически в той точке, где должен появиться Аль-Массуд, – прижавшись к развороченной стене и щурясь от попаданий прямых солнечных лучей в глаза, сказал капитан Уилкинс.

– Хорошо, капитан, нам нужно будет его захватить, а лично я займусь его допросом, – вытирая струящийся пот со лба, продолжила Анджелина.

– До сих пор не понимаю вашу кампанию, – выглянув из-за временного укрытия и продолжая просматривать впереди идущую улицу, которая была абсолютно чистой, начал Уилкинс. – Неужели мы не можем просто его захватить, агент Стивенсон?

– Нет, капитан. Нам нужно будет его на время захватить, а лично мне его допросить с применением химии. Ну, а уже после... Мы должны будем уйти, как ни в чём не бывало, бросив при этом Аль-Массуда. Теперь вам более понятно, предстоящее нам задание? – снимая с предохранителя карабин «М-4», ответила она.

– Теперь понятно, – ответил Уилкинс, поправив свой разгрузочный жилет.

– А теперь мне хотелось бы узнать больше о том, как мы захватим генерала, – оглядываясь по сторонам, сказала Анджелина.

– Судя по разведывательным данным, генерал Аль-Массуд должен будет появиться через несколько минут в том здании, – указывая пальцем на двухэтажное здание, стоявшее в конце улицы, сказал капитан. – Мои ребята уже взяли его в кольцо. Мы быстро устраиваем малую войнушку на большой войне, вы допрашиваете генерала, и мы как ни в чём не бывало оттуда сваливаем, в сторону точки эвакуации. Надеюсь, больше вопросов нет, агент Стивенсон?

– Больше нет. Чёрт, ну где же он? Пора бы ему появиться, – тяжело дыша, пробормотала Анджелина.

– Как обстановка? – спросил по каналу связи Уилкинс.

– Похоже, объект приближается, капитан, – произнёс капрал, получивший сообщение от другой группы «морских котиков».

– Тогда всем приготовиться! – громко произнес по каналу связи капитан Уилкинс.

Несколько машин в небольшом отдалении продолжали двигаться по направлению к условной точке. Это было одно из немногих зданий, которое практически не пострадало после бомбёжки. Чувствовалось, что ещё чуть-чуть, и они окажутся в западне отряда «морских котиков». Машины, подняв выбрасываемую из-под колёс песчаную пыль, остановились. Из небольшой колонны грузовиков и пары внедорожников вышли несколько солдат, чтобы осмотреться по сторонам и оценить обстановку. Одно мгновение нависшей тишины, которая была настолько призрачной, и в следующее мгновение раздался грохот выстрелов.

– Начали, – тихо отдал приказ по каналу связи Уилкинс.

Из грузовиков повыскакивали солдаты и, заняв позиции, принялись вести ответный огонь, заняв круговую оборону, поскольку «морские котики» взяли солдат национальной гвардии в «кольцо». Стреляные гильзы сыпались по раскалённому песку, а автоматы «Калашникова» ни на мгновение не прекращали своего грохота.

Анджелина вместе с капитаном и ещё одним сержантом держали центральную улицу, стреляя в положении лёжа в каких-то развалинах.

– Стивенсон, спокойнее, – перекрикивая выстрелы, прокричал Уилкинс.

Анджелина молча посмотрела на него и продолжила стрелять. Её средние по длине чёрные волосы задувало песком. Ветер сыпал ей в глаза всё, что только мог, но она старалась целиться точнее и, не останавливаясь, стреляла по занявшим грамотную оборону солдатам. Во все стороны летели стреляные гильзы, рассыпаясь по камням и песку. И без того накалённый воздух раскалялся всё сильнее и сильнее. Пот у неё струился по лбу, оставляя грязные потёки. Внезапно рядом ударила граната из подствольника, выпущенная каким-то иракским солдатом. Анджелина уткнулась носом в песчаную землю. Ей казалось, будто песок режет её лицо. Она резко подняла голову и продолжила стрельбу. Пули сыпались по развалинам свинцовым ливнем. В её правую скулу отлетел камешек и рассёк её. Анджелина резко прижалась к земле и прислонила руку к рассечению. Струилась кровь. Резкий внезапный удар заряда из гранатомёта разорвался рядом с ней, и в её ушах раздался звон. Из ушей потекла кровь. Она закричала и перевернулась на спину.

– Агент Стивенсон, как вы? – перекрикивая выстрелы, подполз к ней Уилкинс. – Надо стрелять, надо вести перестрелку!

Эти слова капитана Анджелина слышала, но они расплывались гулким эхом по всей голове, а она ощущала себя в каком-то потустороннем мире, где царит пустота и уныние.

– Ты меня слышишь, Анджелина?

– Да. Да, капитан, – немного приходя в себя и еле переворачиваясь на спину, ответила она. Анджелина взяла в руки присыпанный песком карабин «М-4», прицелилась и сделала первый выстрел. Внезапно прогремел ещё один выстрел из гранатомёта, и сержанта, который был вместе с ними, разорвало на куски так, что разные части тела отлетели хаотично в стороны. Рука сержанта упала на неё и испачкала рукав песчаного камуфляжа Анджелины, но бой продолжался, не желая стихать ни на секунду. Окружение трещало по швам, как собственно и

вся операция, в положительный исход которой верили только в командовании, но не простые офицеры и солдаты, выполнявшие приказ.

Иракские солдаты стреляли из последних сил, но самого генерала Аль-Массуда не было видно. «Неужели его нет в колонне», – подумал на мгновение капитан.

Выстрелы стихли. Песчаная взвесь в воздухе стояла столбом так, что ничего не было видно на расстоянии протянутой руки.

– Как обстановка? – подстрелив выскочившего прямо на командира отряда «морских котиков» солдата иракской армии, спросил по каналу связи Уилкинс.

– У нас большие потери. Больше половины личного состава отряда атаковали в тыл подходившие сзади группы солдат иракской армии. Повторяю, практически все погибли. Поэтому на вас и пришёлся такой напор.

– Генерал ранен в ногу. Подходите быстрее.

Анджелина и Уилкинс встали на ноги, отряхивая на скорую руку камуфляж от песка. Капитан видел, что агент Стивенсон слегка не в себе. Это можно было прочесть в её карих глазах, в которых чувствовалось некое смятение. Возможно, даже она до конца не понимала и сама, что с ней происходит. Уилкинс посмотрел на грязное лицо Анджелины и сказал:

– Как вы себя чувствуете?

Она повернулась к нему и посмотрела на капитана тупым пустым взглядом, внимательно осмотрев его круглое лицо с короткими светлыми волосами и голубыми глазами, произнесла чуть позже следующее:

– Я... Я...

– Ладно, постарайся побыстрее прийти в себя, – сказал Уилкинс, меняя магазин в карабине «М-4».

Анджелина попыталась провести рукой по волосам, но её безупречно ухоженные чёрные волосы были все в песке. Болела скула. Из рассечения сочилась кровь. Уши были тоже в крови от небольшой контузии. Она поставила карабин «М-4» на предохранитель и закинула его на плечо. Крайне медленно передвигаясь, Анджелина отставала от Уилкинса. Её ноги не слушались, не хотели идти, словно были ватными и мягкими, и постоянно подкашивались, заставляя агента Стивенсона опускаться к горящему и раскалённому песку.

Оставшиеся в живых спецназовцы из отряда «морских котиков» собрались в точке, где лежал и стонал от ранения в икроножную мышцу генерал Аль-Массуд с наложенным на ногу жгутом, чтобы не истечь кровью до допроса.

Спецназовцы затащили генерала в близлежащее полуразрушенное здание, и агент Стивенсон немного путаясь не только в дозировке препарата, но и в самой себе, начала допрос Аль-Массуда с применением химических средств.

Генерал стонал в бреду и говорил бессмысленные фразы, путаясь в собственных словах. Наркотический препарат дал совсем другой результат, и спустя несколько минут он умер от сердечного приступа. Задание было провалено. Никаких данных от генерала так и не было получено, а потери при операции превысили все допустимые показатели. И всё, быть может, было бы не так трагично, если бы при отходе агент Стивенсон не получила шальную пулю в левое плечо, а при её спасении отряд «морских котиков» не лишился ещё бы пару бойцов, но всё получилось как получилось.

Нью-Йорк. Манхэттен. Наши дни.

Анджелина резко открыла глаза. По её лицу струился холодный липкий пот. Она села на постели и вытерла рукой вспотевшее лицо. Всё вновь и вновь ей опять снилась та кошмарная короткая командировка в Ирак. Из года в год эти воспоминания не давали ей покоя, постоянно возвращая её во сне в эту безрезультативную и провальную операцию. Да, можно было сказать, что в те годы она была ещё молода, но молодость не было оправданием стольким потерям.

Она опустила ноги на пол и включила свет. Анджелина сняла с себя мокрую от пота футболку и пошла в ванную, чтобы принять душ.

Тропический душ в душевой кабине согрел её стройное тело, которое, может быть, не было большим эталоном красоты, но было атлетичным и выносливым.

Выйдя из ванной, она вытерла волосы полотенцем и обратила внимание на надрывающийся от виброзвонка смартфон. Анджелина подошла к прикроватной тумбочке и взяла смартфон в правую руку, нажав на приём:

– Да, мистер Майерс, – ответила она.

– Я жду тебя в штаб-квартире. Приезжай скорее, есть срочное дело, – спокойным голосом сказал он.

– Хорошо, сэр.

Анджелина нажала на смартфоне отбой и положила его на тумбочку. Что-то тяготило её. Она чувствовала себя беспомощной среди всего того мира, в котором жила. Ей часто было непонятно, что же она ищет во всей этой жизни. Хотя Анджелине было всего тридцать три, она чувствовала, что прожила уже как минимум пятьдесят. Ощущение пустоты не давало ей душевного покоя. Она подошла к окну и, отдернув резко шторы, обратила своё внимание на улицу. Простояв так несколько минут, Анджелина сняла с себя халат и принялась одеваться в телесного цвета нижнее бельё, великолепно сидевшее на ней, подчёркивая её фигуру.

Она встала перед зеркалом и расчесала волосы, одевая строгий серый брючный костюм. Всё мешалось в её сознании, задавая ей всё новые и новые вопросы, ответы на которые скрывались где-то в тёмных углах её квартиры, где преобладал скромный дизайн, более подходящий на стиль хай-тек. Она особо никогда не знала, что такое большие деньги и крупные суммы, какие видела только в кейсах, которые изредка перевозила в качестве курьера в разные страны. Анджелина в очередной раз не могла знать, что ждёт её дальше, но она пыталась успокоить себя, хотя это было каждый раз всё сложнее.

Она вышла из квартиры и закрыла на замок входную дверь, отправившись на стоянку за своей машиной.

Рим.

Льюис продолжал безмятежно спать на кресле в вагоне поезда, видя странный и абсолютно спокойный сон. В каком-то смысле это было для него даже удивительным действием, поскольку обычно ему виделись кошмары и сны, где всплывали его воспоминания, от которых он постоянно хотел сбежать, скрыться и продолжать бежать туда, где был покой, которого Говард давно уже не видел. Но сейчас ему виделась прекрасная поляна с сочной луговой травой и сказочный по красоте лес, от которого веяло свежестью и хвоей. По небу плыли облака, скрываясь за линией горизонта, а солнце было настолько ярким, что слепило его глаза. Это было единственным, что прерывало его покой, потому что напоминало ему Ближний Восток, который перемолол столько людских жизней, что уже невозможно было подсчитать, и Льюис не хотел даже задумываться, сколько ещё судеб прервёт эта адская пасть... Однако свежий ветерок, пахший хвоей, прервал его размышления и принёс с собой покой. Он входил в лес, где преобладали великолепные по красоте лиственницы, которые своими кронами, казалось, чертили незамысловатый пейзаж на голубом небе, а ели ставили точки и запятыя, придавая всему смысл. Такой странный и загадочный смысл, исчезающий в пустоте...

– Синьор, уже Рим, – с улыбкой на лице произнёс проводник, аккуратно разбудив Говарда.

– Спасибо! Но в чём-то и нет, – задумавшись на мгновение, ответил Льюис.

– Почему же? – всё с той же приветливой улыбкой спросил проводник.

– Я видел настолько великолепный сон, что даже не хотелось просыпаться, – вставая с кресла, ответил Говард.

– Знаете, моя мать мне говорила, что таких снов надо бояться, они как туман, который заводит людей в омуты, – сменив приятную улыбку на задумчивость, добавил проводник.

– Может, вы и правы! Но мне уже нечего бояться... – сказал Льюис и покинул вагон, выйдя на перрон.

– Всем есть, чего бояться! – крикнул вслед Говарду проводник.

Но Льюис этого уже не услышал. Да и не нужно было ему этого слышать! Эти слова были не для него, а для обычного человека, которым он не был. Говард привык смотреть смерти в лицо и в лицо своим врагам, показывая при этом лишь надменную улыбку и более ничего.

Он шёл по многолюдному вокзалу, на котором в это утро, казалось, было негде яблоку упасть. Все куда-то спешили, впрочем, Льюис не спешил. У него было ещё много времени и помимо подготовки к встрече, нужно было зайти на квартиру, которая была в собственности Доминиканского ордена. В ней останавливались многие священники и, конечно же, Говард. Там у него был тайник с амуницией, оружием и прочими техническими средствами и средствами индивидуальной защиты. Он прекрасно понимал, что на этой встрече, возможно, будет всё, и хорошая подготовка была только плюсом, а никак не минусом.

Льюис вышел из здания вокзала и пошёл пешком к квартире. Конечно, было неплохо раздобыть транспорт, но только не сейчас. Нужно было время, чтобы пораскинуть мозгами, а хорошо думать в угнанной машине или на мотоцикле, который мог оказаться и так в розыске, было не лучшим делом.

Говард шёл по оживлённым улицам Рима, любясь городом, которому был готов признаться в любви много и много раз. Хотя толком не знал как. Так уж вышло в его жизни, что фразу «я тебя люблю» он не сказал ни разу. Это было не потому, что он никого не любил в своей жизни, это было потому, что Говард боялся всегда кого-то потерять, а терять легче, будучи ни к кому не привязанным. Только этой философии он руководствовался в своей жизни и больше никакой. Видимо, так ему было написано на роду. Делать же что-либо с этим он не хотел. Ему было проще жить так. Не пуская никого в сердце и не переживая боль утраты.

Внезапно начал моросить дождь, и небо нахмурилось ещё больше. Декабрь оставался декабрём. Зима была не лучшим временем года для Вечного города. Ему более подходили ясные солнечные дни, в которые город купался в лучах яркого солнца, но до этого времени ещё нужно было пережить только начавшуюся зиму.

Льюис зашёл в подъезд невысокого дома и поднялся по лестнице на третий этаж. Он сунул правую руку в карман плаща и достал оттуда связку с ключами. Быстро выбрав нужный ключ, он открыл замок и вошёл в небольшую однокомнатную квартиру.

Тишина заботливо окутала его, и он закрыл за собой входную дверь. Говард прошёл в комнату и сел на небольшую кровать, упершись лицом в большое зеркало настенного шкафа.

Льюис не любил зеркала и отражения в них. Пусть это было и одной из странностей у него, но никуда деваться от неё он не собирался, а просто терпел это чёртово зеркало, тем более зеркало очень неплохо отвлекает от сейфа, находившегося за шкафом.

Говард встал с кровати, немного переведя дух и слегка отдохнув после длительной прогулки пешком и, набравшись сил, отодвинул достаточно тяжёлый шкаф, поставив его под углом в сорок пять градусов. Он быстро ввёл цифровую комбинацию на сенсорной панели, и замок тут же щёлкнул, открыв перед Льюисом своё содержимое.

Говард достал из сейфа бронежилет, пистолет «FN Five-seveN» с глушителем и кобурой, запасные магазины к пистолетам, небольшой сканер для прослушивания радиочастот, как полицейских, так и любых других, какие только могли попасть поблизости работы сканера, боевой выкидной нож и «чистый» смартфон, который мог пригодиться в любой тяжёлый момент, когда в работу оперативного назначения добавлялась его величество импровизация, в которой Льюис был царь и Бог. Впрочем, если бы это так не было, до этих самых дней он вряд ли бы дожил.

Говард взял нераспечатанную пачку банкнот по сто евро и бросил её на кровать. Потом он закрыл сейф и задвинул шкаф, вытащив оттуда свою чёрную кожаную куртку, которая была чуть ниже пояса, прикрывая лишь пистолет с кобурой и не более.

Льюис снял с себя плащ и повесил его в шкаф, оставляя его до лучших времён, как он любил говорить, понимая, что они никогда не настанут, а когда-нибудь он вновь вернётся за своим плащом, чтобы сменить свою кожаную куртку.

Говард надел бронезилет, закрепив липучки так, чтобы можно было свободно дышать, и он не ерзал бы по корпусу вдоль или поперёк, закрепил на ремне две пистолетные кобуры, затем проверил свои пистолеты и рассовал их по кобурам, свинтив с пистолета «FN Five-seveN» глушитель, который положил в карман куртки, как и боевой выкидной нож. Сканер радиочастот и планшет с пачкой денег отправились во внутренние карманы куртки, которая продолжала лежать на кровати.

Льюис подошёл к зашторенному кремовыми шторами окну и отдернул их, бросив взгляд на пасмурное небо и капли холодного дождя на стекле.

На улице было немногочленно. Приближалась сиеста и те, кто ещё не начал её, спешили её начать, чтобы потом с новыми силами окунуться в работу.

Говард за всё время, которое провёл в Италии, так и не привык к сиесте, как собственно был и не стопроцентным англичанином, любившим чай с молоком. Молоко он не мог терпеть с детства, а чай очень любил. Ему было всё равно, какой и откуда был чёрный чай, хоть из пакетика, главное, чтобы его крепость вызывала горечь. Вот тогда по меркам Говарда чай был настоящим.

В Италии же больше предпочитали кофе, который Льюис терпеть не мог. Кофе вызывал отвращение и тошноту. Англичане всегда выбирают чай!

Говард посмотрел на свои наручные тактические часы, которые показывали три часа дня. До встречи с отцом Калькутти была ещё уйма времени, и скоротать его Льюис решил за чашкой чая. Он прошёл на кухню и зажёл газовую плиту, поставив на неё чайник.

В мыслях пробегали какие-то осколки воспоминаний и тоска, которая часто посещала Говарда, но не часто трогала его сердце. Он всегда держался в стороне от ненужных эмоций. Ему было несвойственна радость, потому что цена её могла быть слишком высокой, и, возможно, он никогда бы не смог заплатить.

Льюис засыпал в стеклянный чайник чёрный цейлонский чай и залил кипятком, принявшись ждать, когда он заварится.

Время предательски тянулось, помпезно отсчитывая всё новую и новую секунду. Говарду это напоминало жевательную резинку, которую он терпеть не мог и жевал только для того, чтобы снять нервное напряжение.

Льюис налил заварившийся чёрный чай в чашку, которая стояла на блюде из дешёвого фаянса, который встречался во всех дешёвых магазинчиках, либо как сувенир, либо как ширпотреб. Однако Говарду было это абсолютно всё равно. Главным для него по-прежнему оставался вкус напитка – крепкий и горький. Он сделал несколько больших глотков, поставил чашку на блюде и подошел к окну.

Дождь не прекращался, что было характерно для этого времени года в Риме. Хотелось прилечь, но Льюис боялся, что заснёт и не сможет хорошо подготовиться к встрече.

Постепенно начинало темнеть, и первые проявления сумерек стали проявляться над Вечным городом. Вкус крепкого чая скрашивал унылый городской пейзаж из окна и прибавлял ему новых, но таких же тусклых красок.

Время продолжало тянуться. Стелянный чайник опустел, и чашка так же сиротливо стояла на кухонном столе в небольшой кухоньке. Говард лежал на кровати, но глаза его не закрывались. Он думал, вспоминая подходы к форуму, возможные пути отхода и точки на которых мог расположиться снайпер. Это, конечно, было нежелательным исходом, но отрицать

существование такой возможности будет неправильно. Стрельба в центре Рима вообще будет неправильным сценарием. Если до этого дойдёт, то уйти из Вечного города будет проблематично, поскольку Рим не пригород Палермо.

Льюис сел на кровати и опустил ноги на пол, принявшись шнуровать свои чёрные тактические ботинки, которые вместе с ним повидали немало, и только один Бог мог знать, что ещё им придётся увидеть, как и самому Говарду. Он никогда не представлял себя на покое в каком-нибудь небольшом домике в каком-то пригороде крупного города. Его всегда манили приключения и возможность так и не стать стариком. Хотя, может, конечно, старик с чашкой чая в небольшом домике у камина на кресле-качалке – это и неплохо, но не его.

Льюис встал с кровати и накинул на себя кожаную куртку, молнию которой позже резко застегнул. Он подошёл к входной двери и вышел на лестницу, внимательно осмотревшись по сторонам и заглянув наверх и вниз. Говард закрыл замок на ключ и положил связку с ключами в карман тактических брюк. Он сделал глубокий вдох и постепенный выдох и принялся спускаться по лестнице. Выйдя на улицу, Льюис прибавил хода и направился к месту встречи, чтобы разведать, что и как.

Дождь прекратился. Больше не моросило. Сумерки продолжали сгущаться над Вечным городом, а люди прибавлялись на улице, спеша по своим делам.

Говард прибавил хода, чтобы смешаться с толпой и не попадать в уличные камеры наблюдения своей полной физиономией, которую к слову уже в родных стенах Херефорда помнили плохо, и это было прекрасно. Говард с удовольствием бы от этого выкрикнул посреди улицы: «Спасибо, Господи!»

Он перешёл улицу и побрёл к развалинам форума, внимательно осматриваясь по сторонам и стараясь высмотреть наружное наблюдение, если, конечно, оно было.

Миновав группу туристов из Германии, Льюис прибавил ещё скорости и добрался до условного места встречи. Было безлюдно. Подсветка руин была ещё не включена, что не могло не радовать, хотя, учитывая прогресс, с прибором ночного видения или тепловизора это преимущество превращалось ни во что. Однако думать об этом Говард не хотел, ведь это всего лишь была банальная встреча с агентом из Ватикана, а не спецоперация по устранению или обезвреживанию особо опасного террориста, которым с лёгкостью могли признать и его самого, диверсанта специальной авиадесантной службы, но, слава Богу, в прошлом. А в настоящем, если говорить жёстким сленгом, наёмника, пусть и на службе у Доминиканского Ордена.

Льюис осмотрелся по сторонам, внимательно оглядывая близлежащие руины форума. Не заметив ничего сверхъестественного или подозрительного, бросил взгляд на свои тактические наручные часы, которые показывали двадцать минут седьмого. До встречи ещё было сорок минут, и их нужно было привести с пользой и внимательно осмотреть пути отхода. Говард никогда не уходил с места встречи оттуда же, откуда и приходил, понимая опасность такого подхода. Неважно, была ли при этом за ним слежка или висел на «хвосте» киллер. Его главным правилом было: не уходить из того места, откуда заходил.

Он залез во внутренний карман своей кожаной куртки и включил сканер радиочастот. Устройство тут же заработало, начиная сканировать частоты поблизости. Было пусто, только пару полицейских патрулей и карабинеров находились поблизости. Это означало, что всё чисто и самое время было приступить к осмотру пути отхода, через руины на улицы, чтобы тут же смешаться с толпой и исчезнуть.

Всё вроде было спокойно, но в подсознании что-то закрадывалось и с пристальным вниманием колотило в голове по вискам. Пульс учащался. Льюис всегда прислушивался к своему шестому чувству и с подозрением стал осматриваться по сторонам, ища где-либо или в чем-либо подвох или ловушку.

До встречи оставалось всего чуть меньше десяти минут. Ощущение, что он находился на прицеле снайпера, было, но поддаваться панике Говард и не собирался, принимая условия игры противника, хотя было абсолютно неизвестно, кто противник.

Сканер частот показывал зашифрованный канал связи, по которому шли переговоры. Всё это находилось где-то вблизи, но где, Льюис не видел.

Теперь вариантов развития событий предполагалось тьма, может быть, охотятся за ним, что было маловероятно. Как можно было искать пропавшего много лет назад на Ямайке человека. Скорее всего, дело было в священнике из Ватикана. Следовательно, это говорило о том, что святой отец знает довольно много, что, возможно, его захотят убить и не допустить, чтобы он выболтал информацию тому, кто придёт на встречу с ним, а значит, нужно было искать снайпера. Однако главным на данный момент стоило признать попытку сохранить источник информации, что можно было сделать за какой-нибудь руиной форума, ведь должна эта рухлядь принести хоть кому-то пользу! Хотя, если вспоминать историю, то пользу эти развалины принесли многим, впрочем, как и смерть.

Говард едва заметно вытащил из кармана куртки глушитель и аккуратно навинтил его одной рукой на ствол своего «FN Five-seveN», понимая, что без открытой перестрелки обойдётся едва ли.

Часы, постепенно высчитывая секундной стрелкой, показывали час X.

Льюис резко осмотрелся по сторонам ещё раз, но всё было спокойно. Теперь был выход отца Калькутти и тех, кто пришли за ним.

Священник шёл без опоздания. Говард заметил его случайно, можно сказать, что с помощью своего шестого чувства.

Отец Калькутти умело шёл по руинам, не высовываясь на открытые места, словно для него опыт таких встреч был отнюдь не нов. Льюис, к слову, умело встал, прикрывшись руиной, так, чтобы с востока по той позиции, которую он выбрал, обзор был бы полностью закрыт, а с севера и юга частично.

Священник быстро прошёл открытый участок и подошёл к Говарду, который закрыл его собой.

– Вы чего-то опасаетесь, мистер Льюис? – испуганно спросил отец Калькутти.

– Да, святой отец! Рядом работает зашифрованный канал связи, вы можете сказать, кто за вами следит? – быстро ответил Говард.

– Нет! Я понятия не имею, кто это!

– Быстрее говорите то, что вы хотели мне сообщить! Отец Бернардо говорил о каких-то гностических письменах.

– Да, это так, всё тем же испуганным голосом продолжил отец Калькутти. – Я не знаю их содержания, но они находятся в пригороде Тулузы. Вам надо искать секту «Церковь Святой Магдалины»... – сказал святой отец, и пуля, выпущенная из снайперской винтовки, пробила его висок, вылетев из другого виска. Тело упало на камни форума и обагрило их потоком мозгового вещества, смешанного с кровью.

Льюис отпрыгнул назад и, вытащив пистолет «FN Five-seveN» перекатом спрятался за руину, в которую вонзилась ещё одна пуля, высекая из камня искру. Говард быстро осмотрелся по сторонам и увидел подбегающего с пистолетом в руках мужчину в чёрном.

Льюис немедленно произвёл несколько выстрелов в него, резко обернулся, почувствовав опасность, и получил пулю из «ЗИГ-Зауэра» себе в живот. Прицел Говарда немного сбился, и два последующих выстрела сразили наповал другого боевика.

Льюис быстро встал и побежал по форуму, то делая кувырки, то перекааты и стреляя туда, откуда стреляли в него. Необходимо было срочно покинуть это чёртово место, пока он так же не остался здесь, как и отец Калькутти.

Автоматический огонь высек искры из камней, и Говард, сделав кувырок, спрятался за камнем и произвёл несколько выстрелов уже из двух своих пистолетов, поразив и ранив ещё пару человек. Резко включилась запоздалая подсветка, которая на данный момент была во зло Льюису и в чём-то во благо. Выстрелы из оружия с глушителями не поднимали пока полицию на уши, но от этого Говарду было не легче. Он не знал, кто против него! И выяснять это сейчас было не время. Он сделал два выстрела в пустоту и побежал дальше к выходу с форума на улицы. Льюис понимал, что ему нужно было просто добежать до того места, где будет многолюдно, а там он уже сумеет затеряться в толпе и исчезнуть.

Стреляя на ходу в никуда, он быстро сменил пистолетные магазины, прижавшись к камню, видя спасительный выход с форума, открыл пистолетный огонь по набегавшим на него с двух сторон боевикам и сделал резкий рывок, исчез в толпе, растворяясь в неизвестности.

Лэнгли. Штат Виргиния. Штаб-квартира ЦРУ.

Анджелина прошла по ярко освещённому коридору и подошла к кабинету Майерса, аккуратно постучав в дверь.

– Да, да. Войдите, – раздался приглушённый голос из кабинета.

– Здравствуйте, мистер Майерс, – тихим голосом сказала она, открыв дверь и появившись на пороге.

– Заходи скорее, Анджелина, ты как раз вовремя, – пригласив агента Стивенсон жестом руки, произнёс Дэниел.

Она прошла в кабинет, закрыв за собой дверь, и присела на рабочее кресло напротив главы отдела секретных операций.

– Что-то ты плохо выглядишь, Анджелина, – кинув скомканный лист бумаги в корзину, сказал Майерс, приводя разбросанные хаотично по столу бумаги в порядок.

– Нет, сэр, всё в порядке, – вздохнув, ответила она, приготовившись внимательно слушать.

– Ну, в порядке так в порядке. Для тебя есть одно дело. Оно очень важное! Мы не должны его провалить, – начал Майерс. – На карту поставлено на этот раз слишком многое, и провал очень сильно ударит по нашим креслам.

– Ну, так было практически всегда. Хотя не буду дальше размышлять, просто спрошу: что же это за дело, сэр?

– Хорошо, тогда слушай внимательно, Анджелина, и потихоньку вникай, – расположив спину удобно на рабочем кресле, начал Дэниел. – Некоторое время назад к нам с предложением продать образец наполнителя для баллистических ракет нового поколения обратились сотрудники ФСБ России. Видимо, им надоело сидеть на одной зарплате и захотелось пожить получше. Мы, конечно, в свою очередь согласились купить этот образец. Одним словом, всё было решено. Было уже назначено место и время обмена, но, когда наши агенты пришли на место встречи, то обнаружили только несколько трупов агентов ФСБ, а образец бесследно исчез. Плюс к этому вся группа быстрого реагирования была отравлена газом... Теперь твоя задача! Найди этот образец и доставь его нам. Как ты понимаешь, моей благодарности и благодарности директора не будет предела.

– Да, сэр, – внимательно дослушав, сказала агент Стивенсон.

– Ну, вот и хорошо, Анджелина. Тогда приступай к заданию немедленно. В этом конверте билет в Париж, – протягивая ей конверт, вытасканный из-под кипы бумаг, сказал Майерс. – Все подробности узнаешь на месте, хотя по сути их особо и нет. Помни ещё вот, что ФСБ тоже уже наверняка послало своих людей, чтобы вернуть образец, так, что лёгкого задания тебе не предвещается. Не исключая, что ещё кто-то может включиться в гонку за «образцом». В общем, будь крайней осторожна. Никому не доверяй, поскольку, ещё раз повторюсь, ставка в этом деле слишком высока.

– Я всё поняла, мистер Майерс, – взяв конверт, ответила она, увидев нервозность в глазах Дэниела.

– Тогда можешь идти, у тебя скоро самолёт. Счастливо, Анджелина, – слегка напряжённо улыбнувшись на прощание, сказал Майерс, посмотрев на свои наручные золотые часы, подаренные директором ЦРУ в благодарность за успешно выполненное задание много лет назад.

– Спасибо, сэр – встав с рабочего кресла, ответила она и, оглянув мимолётным взглядом предметы интерьера и мебель, покинула кабинет.

Глава 4

Рим.

Льюис пытался раствориться в толпе, но это у него толком не получалось, поскольку было достаточно малолюдно, чтобы исчезнуть в неизвестности. Всё же Рим был не тот мегаполис, в котором было легко испариться. С Лондоном его точно было не сравнить, как, к примеру, и с Нью-Йорком, где был настоящий рай для исчезающих в толпе.

Он шёл быстро, но всё равно было видно, что его преследуют. Он не знал, есть ли машины, но среди людей, шедших за ним, были подозрительные люди в чёрном. Сканер радиочастот по-прежнему предупреждал, что защищённый шифрованный канал связи работает и работает поблизости, а это означало только то, что противник где-то рядом.

Мысли в голове Говарда исчезали одна за другой, испаряясь в третьей. Казалось, теперь он окончательно запутался и не сможет найти верный ход, тот один единственный ход, чтобы всё понять и во всём разобраться.

Смерть отца Калькутти до сих пор была у него перед глазами. Хоть Льюис был абсолютно невпечатлительным человеком, но сложно было забыть лицо того, кто резко был убит перед его глазами. Конечно, Говарду приходилось за свою карьеру в САС видеть многое, но жестокие убийства он не переваривал, однако, безусловно, понимал, что узнал хоть что-то от святого отца, только потому, что закрыл его собой и снизил до минимума угол обстрела и видимость снайперу.

Льюис продолжал быстро идти по улице, понимая, что нужно было что-то предпринять, чтобы сбросить преследование или попытаться разобраться с преследователями, которые за ним шли, но не торопились брать, желая увидеть, куда он их приведёт. На это Говард, собственно, и рассчитывал, приближаясь к одному заброшенному подвалу, где легко мог разобраться с преследованием и выяснить, кто те люди, которые на него покушались, а теперь висят на «хвосте».

Он уже понимал, что эти люди были не из спецслужб и не из Ватикана. Это были хорошо натренированные наёмники, которых послали убрать отца Калькутти. Льюис понимал, что убить они его должны были раньше, до встречи, но своими аккуратными действиями он спутал карты преследователям и добрался до места встречи.

Говард быстро перебежал улицу, бросившись несколько раз под машины, но каждый раз удачно увернувшись от удара, сразу же увидел своих преследователей и два внедорожника «Ауди», которые так же резко ударили по тормозам и принялись менять направление, чтобы поспеть за Льюисом, но он сделал резкий спринт и, пробежав порядка двухсот метров, исчез в заброшенном доме, бывшем исторической постройкой и охранявшимся муниципалитетом, у которого тоже, как и в любой стране, не всегда хватало средств из бюджета на историю. Он быстро спустился в подвал и слился с темнотой, спрятавшись в одном из закоулков подвала.

Льюис понимал, что, скорее всего, его уже вычислили и знают, где он находится по его смартфону. Нужно было немедленно выключить его и вытащить аккумулятор, чтобы его дальнейшие передвижения никак не отражались, но внезапно на ум Говарду пришла другая идея.

Он положил на засыпанный обвалившейся штукатуркой пол свой смартфон и спрятался в другом закоулке подвала. На ощупь он сменил полупустые магазины в пистолетах на полные

и сжал пистолетные рукояти в ладонях рук, прижавшись спиной и затылком к обшарпанной стене.

На лестнице, ведущей в подвал, стали слышаться едва слышные шаги наёмников. Они не разговаривали и, видимо, общались на языке жестов, не желая привлекать к себе внимание, но лучи от их тактических фонариков на оружиях резали темноту.

Наёмники аккуратно спускались вниз, с подозрительностью осматривая каждый закоулок подвала, выполненного в виде прямоугольника с колоннами по бокам в ряд и небольшими погружёнными во тьму комнатками.

Льюис тихо вылез из закоулка, аккуратно проскользнул вдоль стены и спрятался за одной из колонн. Наёмники, держа круговую оборону, передвигались вглубь подвала, прикрывая друг другу спины.

Внезапно зазвонил смартфон Говарда, который он положил у одной из колонн и в тот же миг шквал свинца обрушился на изношенный кирпич, а Льюис сделал пару шагов и прыгнул в сторону другой колонны, открыв при этом огонь по наёмникам, что ввело их в панику. Льюис старался прицельно стрелять в район головы и шеи, насколько это было возможно в темноте, но понимая, что он не с прибором ночного видения, старался разбрасывать выстрелы, не увеличивая кучности. Магазины в пистолетах опустели, и Говард спрятался за колонной, принявшись менять магазины. Град свинца из штурмовых винтовок «НК G-36» облил колонну, за которой он спрятался и, высунув свой «ЗИГ-Зауэр» из укрытия, открыл огонь, заставив сменить наёмников позиции и приготовиться к перезарядке. Автоматический огонь затих, и наступила мучительная пауза.

– Кто ты? – послышался голос наёмника.

Льюис не отвечал, понимая, что если с ним заговорили, значит, боеспособных людей осталось пару человек или вовсе один. Он молниеносно сменил позицию, обойдя пару колонн и миновав лежавших на грязном каменном полу наёмников, зашёл сзади последнему, приставив ствол своего пистолета «FN Five-seveN» к его голове.

– Тебе лучше не знать, кто я такой! – сказал Говард и нажал на спусковой крючок своего пистолета, видя, как наёмник попытался развернуться и выбить у него из руки пистолет. Тело упало на пол, и тактический фонарик покотился из расслабленной руки.

Льюис остановил фонарик, взял его в левую руку и стал осматривать тела, на лацкане пальто одного из которых увидел значок в виде головы дракона, держащий в пасти земной шар. Говард резко оторвал значок и внимательно посмотрел на него, хорошо понимая, что ничего подобного в природе не встречал. Небольшой значок был выполнен из серебра. Спросить о нём было особо уже не у кого.

Льюис подобрал свой смартфон и вытащил из него аккумулятор, направившись на выход во внутренний двор, откуда можно было исчезнуть на параллельной улице, что он и сделал, направившись к вокзалу. Нужно было прийти в себя. Голова буквально разрывалась от мыслей, впрочем, помимо мыслей о Тулузе, у Говарда хватало и остальных. Появляться на вокзале было глупо. Сейчас он сбросил преследователей устранив их всех до единого и скинув с «хвоста» остальных, но что будет дальше – непонятно. Поэтому выход был только один. Нужна была машина, чтобы добраться до границы...

Париж.

Декабрьский Париж представлял из себя весьма удручающее зрелище. Холод, промозглость, осадки, которые время от времени выливались в проливные дожди, падавшие на мостовые и головы горожан с капризного зимнего неба. Романов хоть и любил тёплую европейскую зиму, но порой находил в ней столько минусов, что даже не мог понять, где же плюсы.

Андрей шел неспешным шагом на явку с местным связным. Он направлялся к шедевру парижской архитектуры, а именно к Эйфелевой башне, хотя про себя Романов называл этот

шедевр грудой арматуры и не понимал, что же в ней такого прекрасного и притягательного, однако Андрей давал право размышлять над этим вопросом самим парижанам. Ему не нравился этот город, и он считал, что в Европе есть города намного красивее унылого Парижа.

Романов поднялся на лифте на первый этаж Эйфелевой башни и, встав, где было посвободнее от туристов и местных жителей, принялся ожидать связного. Он посмотрел на швейцарские наручные часы, которые показывали ровно полдень.

Лицо обдувал сильный ветер.

– Здравствуй, Андрей, – внезапно раздался голос связного.

Романов повернул голову направо и, увидев знакомое лицо связного с проницательными карими глазами и короткими чёрными волосами, слегка вздохнув, ответил:

– Здравствуй, Саша.

Он оглядел худощавую фигуру, ростом чуть выше среднего, одетую в чёрный костюм с белой сорочкой и чёрное пальто.

– Значит, тебя прислали заниматься этим делом? – устало спросил связной.

– Да, – отрывисто, словно нехотя, ответил Призрак.

– Могу сказать, что особо никакой информации у меня нет. Всё, что мне известно, так это то, что «положили» двоих, с позволения сказать, «наших» неизвестно чем! Есть только следы уколов от шприца и диагноз сердечного приступа на вскрытии... Вот и всё!

– Да, не густо! Что в это время творилось в городе? – пристально посмотрев на связного, спросил Романов.

– ЦРУ работало усиленно, готовились видимо к передаче «образца», но, к нашему счастью или несчастью, он бесследно пропал.

– В общем-то, странно. Я читал личные дела убитых офицеров, пока летел в самолёте. Это были серьёзные кадры. Странно, что их так тихо и быстро «сделали». По одному уколу каждому! Судя по всему, сработал специалист, но, скорее всего, это был не один человек и, возможно, это были американцы, точнее, те, кто предали своих же. История внутренних игр у любой спецслужбы в мире огромна!

– Так и есть. Всех положили, а кейс, в котором лежал образец, забрали. Ну и конечно, никаких следов не оставили. Кто это был? Хороший вопрос. Я знаю точно только одно: это не кадровые ребята из Лэнгли. Нам удалось сделать перехват засекреченного канала связи. Сюда направляется оперативник ЦРУ, и сегодня вечером он будет в Париже.

– Ну, спасибо хоть за это, – сказал Призрак. – Ладно, вводной части с меня достаточно. С чего мне стоит начать?

– Попробуй отработать французскую ячейку Аль-Каиды. Вдруг это наёмники, работающие на террористов! Больше никаких возможных вариантов я на данный момент не вижу. В этом конверте всё, что тебе может потребоваться, – вытащив из внутреннего кармана пальто конверт и передав его в руки Романову, сказал связной.

– Плохо работаете! Надеюсь, в этом конверте не одна «вода»? – убирая конверт в боковой карман своего пальто, спросил Андрей.

– Это вся информация, которой мы располагаем. Если что понадобится, ты знаешь, как меня можно найти. В моём распоряжении есть одна группа. В общем, пока, Андрей, – отходя, сказал на прощание связной и растворился в серой массе людей.

Романов сделал глубокий вдох, чувствуя в атмосфере напряжённость и недосказанность, и направился к лифту.

На душе у Призрака была какая-то пустота, в которой он терялся сам, не понимая того, где же найти выход оттуда, куда не знал даже дороги... Такое происходило часто с Андреем. Его потерянности в себе и в той пустоте вокруг него, бесспорно, тяготили его душу. Он чувствовал, что в принципе никому не нужен в этом мире, однако это было не совсем так. Романов любил бросаться от одной крайности в другую. И сейчас, когда он шёл по парижским улочкам,

пропитанным влагой и дождём, который стал внезапно снова накрапывать, границы крайностей лишь ширились и увеличивались.

Призрак посмотрел на пасмурное зимнее небо, представив на мгновение, что с него падает снег, который он очень любил в декабре. Ему казалось, что он очищает душу от всех трудностей и проблем, случившихся в заканчивающемся году. Всё становится сразу просто и легко, а также чуточку спокойнее.

Романов зашёл в отель, провел по мокрым волосам ладонью руки и подошёл к стойке администратора, взяв ключ-карту. Он осмотрелся по сторонам, по привычке ища что-то подозрительное, но ничего не заметив, подошёл к лифту и нажал на кнопку вызова. Двери лифта тут же раздвинулись в стороны, и Андрей зашёл внутрь. Что-то внутри мгновенно перещёлкнуло в голове, и одни воспоминания сменили другие. Казалось, он жил в этих воспоминаниях, пытаясь найти то лучшее, что всегда терял. Всё проходило, как и лифт, который поднимался на этаж, оставляя свой след в таком близком прошлом, которое забудется, а затуманенные временем лица никогда не исчезнут и будут продолжать мучить Романова, что бы он ни предпринимал и что бы ни делал.

Он вышел из лифта, пройдя по застеленному коридору великолепным ковровым покрытием и поднеся ключ-карту к считывателю, открыл дверь своего номера, войдя в апартаменты.

Номер был относительно скромный, но как всегда в хорошем отеле. Всё так, как любил Призрак. Обстановка в апартаментах царила в стиле модерн, что не оставляла никаких впечатлений в сознании Романова. Он снял пальто и бросил его на кресло, стоявшее у журнального столика, выполненного из металлического основания и стеклянной столешницы. Это единственное, что говорило о чем-то более современном во всей обстановке.

Андрей сел за стол и включил ноутбук, достав из кармана пальто, лежавшего на спинке кресла, конверт. Оттуда он достал карту памяти и вставил её в разъём ноутбука.

Романов сел на мягкий деревянный стул, обитый красной обивкой, и пододвинулся поближе к столу, чтобы сосредоточиться на работе. Он сделала глоток виски из стакана, налитый ещё до встречи со связным, и, почувствовав привкус любимого виски во рту, принялся смотреть данную ему карту памяти.

Неспешно изучив содержимое папок и файлов на карте памяти, Романов снова наполнил стакан шотландским виски и сделал большой глоток. В голове царил сумбур от изученной разношёрстной информации, где было место и французской ячейке Аль-Каиды и ряду наёмников, которые, сбившись в группы, занимались захватом каких-либо материалов или информации. Романов пытался анализировать и сопоставлять информацию, отделяя одну от другой и не примешивая к этому третью. Размышлять с каждой новой минутой становилось всё тяжелее и тяжелее. Казалось, что голова идёт кругом, но Андрей на время остановился, сделал ещё небольшой глоток виски и уже более спокойно стал думать, снова вернувшись к материалам с карты памяти.

Всё прочитанное снова предстало перед Призраком страшными образами, и на какое-то мгновение показалось, что в этих материалах ничего толком нет! Особенно нет того, с чего можно начать поиски образца. Зацепок особых не было, кроме единственного человека, который фигурировал, как единый связующий механизм для наёмников и террористов, хотя они были совсем разными. Террористы одержимы идеями, а у простых наёмников главным стимулом всегда являлись и будут являться только деньги, и более ничего. Некий Саид Бен-Арфа как раз и был тем, кто был поставщиком информации для всех. Активный член французской ячейки Аль-Каиды со связями по всему миру, но в официальном прикрытии было указано, что он врач из ВОЗ. Всемирная организация здравоохранения была для него как подарок и великолепно прикрывала его истинную деятельность! Романов прекрасно понимал, что придётся выйти на этого человека, сесть ему на «хвост» и посмотреть, куда и к чему он его приведёт. Призрак встал из-за стола, на мгновение задумавшись о том, что, скорее всего, всё будет не

так просто, как кажется. Да, возможно он и работает в одиночку, но у него точно есть группа прикрытия и телохранители, которых нужно будет обыграть или уничтожить, чтобы добраться до самого Бен-Арфа.

В материалах также указывалось, где возможно было найти объект, и дана была его фотография. Андрей закурил кубинскую сигариллу, достав её из пачки, лежавшей на столе, и сел обратно за стол к работающему ноутбуку, после чего чиркнул ещё раз зажигалкой, продолжая думать, и пододвинул к себе пепельницу.

Он понимал, что время постепенно поджигает, оставляя туманные шансы, чтобы найти и вернуть образец, поскольку противоборство с оперативником ЦРУ, какой, скорее всего, будет обладать той же информацией, что и у него самого, так же возьмёт след и уже начнётся небольшая войнушка между двумя самыми сильными игроками, а именно, «конторой» и «компанией». Всё это означало только одно: что сложностей по ходу дела будет хватать, и они даже постепенно не будут уменьшаться, а только увеличиваться с каждым мгновением. Ресурсы ЦРУ в Париже и ресурсы ФСБ были кардинально разные по сложности, сами по себе никогда не отпугивали Романова, а лишь подстёгивали его на более искусную игру.

Конечно же, Призрак понимал, что при всём при том Аль-Каида остаётся Аль-Каидой, и ждать от неё возможной глупой ошибки было бы просто нелепостью, и говорить об этом было глупостью, хотя сила этой террористической организации была не такой, как десять или пятнадцать лет назад. Поэтому о непрофессиональности в этом деле говорить было нельзя. На кону стояло очень многое, и каждая даже мельчайшая ошибка могла привести к фатальному поражению.

Романов посмотрел на свои швейцарские наручные часы, показывавшие семь часов вечера, и аккуратным движением пальцев затушил в пепельнице кубинскую сигариллу, сделав последний глоток оставшегося в стакане виски. Он на мгновение закрыл глаза и встал с мягкого деревянного стула, обитого благородной красной тканью. На какие-то считанные секунды Призрак задумался, пытаясь правильно и разумно размышлять над работой, но, сделав глубокий вздох, подошёл к шкафу-купе. Андрей вытащил оттуда антрацитового цвета пиджак и, вытащив из-под воротника чёрной сорочки галстук, накинул пальто. Посмотревшись в большое зеркало, рама которой была выполнена под старину, он подошёл к столу с ноутбуком и, вынув из разъёма карту памяти, взял со стола зажигалку. Лёгкое чирканье – и загорелся огонь, который оплавил карту памяти, которую Андрей бросил в пепельницу и, подойдя к зеркалу, поправил воротник сорочки.

Призрак понимал, что нужно было немедленно приступить к работе. Он вышел из номера и спустился в центральный холл отеля. Романов шёл так быстро, что случайно, не заметив, зацепил своим плечом девушку.

– Извините, пожалуйста, синьорина, – улыбнувшись девушке, сказал он. – Я был не осмотрителен и готов заглядывать свою вину.

– Ничего страшного, – ответила девушка, одетая в серый брючный костюм и чёрное пальто. Ее обворожительные карие глаза с лёгкой симпатией вглядывались в мужчину.

Призрак, не отрываясь, смотрел на её милое личико, на котором была небольшая добрая улыбка. Он на секунду задумался и сказал:

– Меня зовут Алессандро Гамберини. Я остановился в этом отеле.

– Очень приятно, – улыбнувшись, ответила незнакомка. – А меня зовут Кристин Лафоре.

– Вы парижанка? – с интересом спросил Романов.

– Нет. Я приехала по делам из Марселя и собираюсь остановиться в этом отеле.

– Тогда, может, завтра поужинаем вместе? – вежливо, но с небольшой долей настойчивости в голосе, спросил Андрей.

– Хорошо, – слегка улыбнувшись, ответила Кристин. – Тогда завтра в восемь вечера я буду вас ждать в ресторане отеля.

– Я непременно приду, – улыбнувшись в ответ, сказал Призрак и направился на улицу. Выйдя из отеля, он сел в арендованный кроссовер «Ауди» и направился по местам, где обычно бывал Саид Бен-Арфа.

Колеса по парижским улицам, Романов думал о девушке, которую он нечаянно толкнул и с которой собирался завтра встретиться в ресторане отеля. Ему на какое-то время показалось, что его больше не интересует ничего: ни поиски образца, ни французская ячейка Аль-Каиды, ни тем более эмиссар террористической сети Бен-Арфа. Андрей остановил машину и решил подождать возможного появления Бен-Арфа.

Минуты проходили одна за другой, и, в конце концов, ожидание Романова увенчалось успехом. Из дома вышел Саид Бен-Арфа и сел в машину. Призрак внимательно осмотрелся по сторонам и увидел, как за «Мерседесом» объекта выдвинулся внедорожник «БМВ». Скорее всего, это была группа сопровождения или прикрытия, но телохранителей Андрей так и не увидел. «Может быть, их нет?» – задал сам себе вопрос Романов, ответить на который на данный момент было невозможно. В любом случае он не стал терять время и завёл кроссовер, выехав за ним, уверенно держа необходимую для профессиональной слежки дистанцию. Висеть на «хвосте» было неотъемлемой частью работы Романова, хотя лично сам он не любил этим заниматься, но временами ему всё же приходилось делать это весьма неблагодарным делом. Хотя, если подумать, то вся работа Андрея была неблагодарной, правда, об этом он предпочитал не задумываться, а просто делать своё дело и исчезать в той пустоте, которой жил каждый день год за годом, не думая особо ни о чем, чтобы не делать себе самому очень больно!

Призрак продолжал колесить по парижским улочкам, и уже перед ним издалека предстали телохранители Бен-Арфа, которых было двое. Один вёл автомобиль, а другой сидел на переднем сидении, а при выходе из автомобиля они постоянно меняли позиции, закрывая своего босса со всех сторон таким образом, чтобы осложнить жизнь снайперу, если таковой объявится, чтобы осуществить покушение на Саида, а группа прикрытия, состоящая из четырёх человек, мониторила обстановку поблизости, высматривая подозрительности, которые легко могли трансформироваться в опасности.

Внезапно «Мерседес» Саида остановился возле банка, и машину покинули телохранители, взяв под охрану вышедшего из автомобиля Бен-Арфа. Они быстрым шагом прошли небольшое расстояние до банка, закрывая босса своими телами, и зашли внутрь. Группа прикрытия рассыпалась по улице, а один из группы встал около «Мерседеса», видимо, готовый занять место водителя, если случится что-либо.

Андрей заглушил двигатель, понимая, что самое время немного пройтись, особенно непосредственно в сам банк и посмотреть, что там делает объект.

Романов вытащил ключ из зажигания и вышел из кроссовера, поставив автомобиль на сигнализацию. Париж был беспокойный город, и преступности здесь было немало, поэтому, чтобы не рисковать и в самый решающий момент не остаться без «колёс», Призрак решил поставить автомобиль на сигнализацию и пошёл по тротуару спокойным шагом к входу в банк. На его лице тут же нарисовалась улыбка, которая была не лишней, чтобы не вызывать подозрения у группы прикрытия, которая уже сидела у Романова в печёнке, но в тоже время только из-за неё он не потерял пару верных раз объект из виду, что могло означать только одно: вся работа была бы коту под хвост. Но, главным по-прежнему оставалось – быть призраком и не дать группе прикрытия и телохранителям Бен-Арфа обнаружить себя! Вот это было бы уже провалом по всем статьям!

Андрей аккуратно прошёл через группу прикрытия, не вызвав у них никакой тревоги и зашёл в банк. Сразу же остановившись, он осмотрелся по сторонам и увидел Бен-Арфа, который входил в хранилище, видимо, забрать или что-то положить в депозитную ячейку.

Призрак неспешно подошёл к столику и сделал вид, что собирается заполнить какую-то бумагу, которая первая под руку попала ему, ожидая тем самым появления Бен-Арфа. Он

заметил, что один наёмник из группы прикрытия зашёл в банк и внимательно стал осматривать посетителей, правда, делал это издалека и с осторожностью, чтобы не вызвать никакой подозрительности у охранников банка и воспользовался тем же трюком, что и Призрак, принявшись заполнять какую-то форму на бумаге. Время шло. Через примерно двадцать минут из хранилища вышел Саид вместе со своими телохранителями, держа в правой руке кейс.

Романов отрывисто смотрел на Бен-Арфа, видя, как он проходит мимо стоек вместе со своими телохранителями, он тут же убрал во внутренний карман пальто свой «паркер» и скомкал бумагу, кинув её в корзину. Терпеливо он выждал минуту и пошёл за наёмником из группы прикрытия, который, видимо, окончательно был уверен, что никакой слежки за его боссом нет. Андрей продолжал держаться на положенной в таких случаях дистанции, видя, как Саид вместе с телохранителями садится в машину, а группа прикрытия собирается у внедорожника и готовится следовать за главной машиной.

Призрак отстранённо посмотрел на наёмника из группы прикрытия, столкнувшись с ним практически нос к носу, но это не вызвало у боевика особой подозрительности. В Париже жило множество чудаков, маячивших постоянно перед глазами и улыбающихся. «О, Старушка Европа, как ты хороша!» – хотелось было воскликнуть Романову, но он молча прошёл к своему арендованному кроссоверу «Ауди» и снял автомобиль с сигнализации.

Андрей сел в машину и вставил ключ в зажигание. Двигатель «Ауди» запустился, а машина группы прикрытия выехала за «Мерседесом» Бен-Арфа. Призрак выждал небольшую паузу и резко стартовал с места, нажав на педаль газа. Ему едва хватило времени не упустить Саида из вида, а точнее, группу прикрытия, за которой по-прежнему он плёлся, понимая, что иначе следить никак не получится, хотя была возможность упустить так Бен-Арфа, но риск, как всегда, оставался благородным делом.

Андрей, ценой небольшого превышения скорости на городских улицах, вернулся на необходимую для слежки дистанцию, не вызвав никакого подозрения у группы прикрытия, поскольку превышал скорость на солидном расстоянии от них, а на повороте нагнал.

На мгновение Романов задумался, что бы могло бы быть в этом кейсе, и мог ли быть там образец? Эти вопросы, как стрела, врезались в его голову, и начался анализ ситуации и прочего того, что в данный момент происходило с ним. Шансов, что в кейсе у Саида образец, было немного. В хранилище банка сдавать такую «игрушку» стал бы только окончательный идиот. Скорее всего, в кейсе были документы в каком-либо виде и деньги.

Призрак продолжал вести объект, аккуратно продвигаясь за группой прикрытия по парижским улицам. Машин на дорогах становилось всё меньше и меньше и его точно скоро заметят и ликвидируют, но Романов продолжал рисковать, держась на необходимой дистанции и при первой же удобной возможности прячась за проезжающей машиной.

После долгих часов скитаний по улицам и округам Парижа, Андрею показалось, что, скорее всего, Бен-Арфа и его группа прикрытия, как всегда, просто проверяют, не сел ли кто им на «хвост», чтобы ни в коем случае не привести за собой в конспиративное место французскую разведку, резидентуру ЦРУ или ещё Бог знает кого.

Спустя ещё четверть часа «Мерседес» Бен-Арфа и внедорожник с группой прикрытия остановились около дома, и под прикрытием телохранителей Саид вошёл в дом.

Призрак устало вздохнул и расслабился, потеряв ладонями лицо, и решил больше не оставаться в непосредственной близости от дома Бен-Арфа, даже несмотря на то, что припарковался за углом так, что его было не видно ни группе прикрытия, ни телохранителям Саида.

Романов резко развернулся и направился к отелю, бросив мимолётный взгляд на свои швейцарские наручные часы, которые показывали половину одиннадцатого.

Андрей зашёл в свой номер, небрежно кинув ключ-карту на стол, и снял пальто, которое повесил на вешалку в шкаф-купе, и сел на кресло, откинув голову на спинку. Он чувствовал неподдельную усталость и боль в каждой клетке своего тела, разливавшуюся бурным фонтаном

и переходящую в непроходимую усталость, так часто мучившая его сознание. Ему казалось, что даже крепкий сон не сможет восстановить его силы, но до сна оставалось сделать одно дело. Романов достал из бокового кармана пиджака смартфон и набрал номер своего непосредственного руководителя. Телефон долго не отвечал, и Андрей, когда уже собрался нажимать отбой, в телефоне услышал голос Громова.

– Добрый вечер, Андрей.

– Вечер добрый, Михаил Иванович, – усталость в его голосе слегка проскальзывала, хотя Романов пытался её скрывать.

– Как обстановка?

– Есть кое-какие наработки.

– Говори прямо, канал связи защищён, – бодрим голосом сказал Громов.

– Возможно похитители образца – члены французской ячейки Аль-Каиды. Мне удалось выйти на одного из них, и возможно, он у них, – потирая глаза правой рукой, высказал Призрак.

– Что ж, хорошая работа. Но каков процент возможности, что образец именно в их руках? – с волнением в голосе спросил Громов.

– Кто знает? Но я звоню за разрешением на операцию, когда полностью изучу всю подноготную, – наливая виски в стакан, продолжал Андрей.

– Хорошо, делай, как считаешь нужным. Можешь задействовать все наши ресурсы в Париже, но помни, не должно остаться никаких следов этой операции.

– Я всё понял, товарищ полковник, – сказал Романов, сделав глоток виски, и слегка сморщил лицо от горечи напитка.

– Ну, тогда удачи Андрей. После проведения операции немедленно вылетай в Москву.

– Всё будет хорошо, – сказал Призрак и нажал на смартфоне отбой, а потом положил его на стол.

Романов чувствовал огромную тяжесть, которая не давала ему свободно дышать. Он понимал, что задыхается. Андрей достал из кармана пиджака блистер с таблетками и, вытаскивая две, проглотил их. Он пытался прийти в себя и преодолеть сильную нервозность, которая блуждала по его груди. Немного посидев на кресле, Романов постепенно перебрался на кровать и уснул.

Глава 5

Рим.

Льюис шёл по пустынным улочкам Вечного города, постоянно проверяясь и осматриваясь по сторонам. Сканер радиочастот молчал, только редкие переговоры полицейских или карабинеров поблизости, время от времени, будоражили слух Говарда, звуча в наушнике.

Он наверняка не мог знать, следит ли за ним беспилотник или нет. Небо было пасмурным и тёмным, как вся эта ночь, в которой легко можно было потеряться и сгинуть. Впрочем, таких тёмных ночей в карьере полковника Льюиса хватало, и как-то разделить их по группам и отсортировать в нужном виде было абсолютно невозможно! Все они были такими разными и непохожими друг на друга, но всех их объединяло только одно – смерть! Её Говард видел часто и встречался с ней каждый день. И неважно, была ли эта спецоперация или обычный скучный день в одиночестве, когда застрелиться хочется намного сильнее, чем попасть в другой какой-то день под пулю снайпера или какого-нибудь штурмовика.

Льюис зашёл в подъезд дома и поднялся наверх по лестнице, войдя в квартиру, из которой не так давно уходил. Ключ резко врезался в замочную скважину, и замок открылся. Говард зашёл в тёмную квартиру, где не стал зажигать сразу свет, а прошёл к окну и зашторил плотно окно, включив лишь настольную лампу, стоявшую на столе. Светодиодная лампа загорелась достаточно ярким светом, осветив столешницу, и частично разбавила тьму комнаты.

Льюис отодвинул шкаф от стены и открыл сейф, достав оттуда четыре коробки патронов. Он их положил на стол и, сев на стул, принялся заряжать пустые магазины к пистолетам. Говард

понимал, что патронов было мало, а впереди его ждала настоящая феерия из приключений, но только за несколько тысяч километров отсюда.

Связываться с отцом Бернардо было бессмысленно! Кто-то уже знал номер телефона Льюиса, и, чтобы вновь им начать пользоваться, его нужно было срочно перепродать и сменить SIM-карту. Второе было не сложно, а вот для первого нужно было программное обеспечение, которого у Говарда не было.

Льюис зарядил пустые магазины и выключил свет настольной лампы. Хотелось пить. Он прошёл медленно в темноте на кухню и выпил кипячёной воды из чайника, который давно уже остыл. Постепенно стало лучше. Жажда прошла. Говард вернулся в комнату и лёг на кровать, вытащив из кобуры на ремне «ЗИГ-Зауэр», готовый к стрельбе, и сжал пистолетную рукоять в ладони, положив пистолет себе на грудь, и закрыл глаза.

Париж. Где-то в центре города.

Анджелина сидела в уютном небольшом кафе и ждала, когда к ней навстречу придёт местный связной. Появляться пока в посольстве в резидентуре ЦРУ в Париже ей не хотелось, а встреча поздним вечером в уютном кафе казалась весьма хорошей альтернативой.

По привычке она окинула взглядом всех, кто находился в этом заведении, и, не найдя ни в ком ничего подозрительного, продолжила ожидать связного, который уже, признаться, запаздывал на несколько минут, хотя всегда старался быть пунктуальным. Однако волноваться по поводу опоздания было нечего. Париж – не Багдад или ещё какое-нибудь «веселое» местечко на карте мира. Впрочем, в эти минуты мисс Стивенсон думала совсем о другом! В голове Анджелины в этот момент вертелось что угодно, но только не мысли о работе. Она чувствовала, что эта работа угнетала её. Казалось, что хотелось покоя, о котором можно было только мечтать или думать в темноте после несбыточного сна.

На мгновение мисс Стивенсон перевела свой взгляд на стекло, на улице царил промозглая декабрьская погода. Снова барабанил холодный проливной дождь, и совсем не хотелось на улицу, а хотелось просто сидеть в этом маленьком уютном кафе и пить кофе, возможно, даже просто в хорошей тёплой компании. Однако пустая чашечка кофе продолжала стоять на столике перед ней и уныло смотреть на неё.

Внезапно Анджелине вспомнился мужчина, с которым она столкнулась в холле отеля, чьё приятное лицо никак не хотело уступать в её сознании месту для работы.

Мисс Стивенсон перевела взгляд в сторону, вспомнив о назначенной встрече завтрашним вечером, которая, возможно, могла изменить всю её жизнь. Или не могла изменить. «Какая, к чёрту, разница?» – Подумала на мгновение Анджелина, когда ощутила снова, что её жизнь катится в тартарары, словно клубок ниток, оставляющий след на земле, а потом падающий с обрыва в пропасть. В эти минуты ей казалось, что всё так бессмысленно и нелогично, впрочем, как и жизнь любого другого человека на земле, озабоченного такими же проблемами.

– Извиняюсь, мисс Стивенсон, что опоздал, – присаживаясь за столик, сказал местный связной, ворвавшись в её поле зрения и оторвав Анджелину от былых размышлений. – Вообще, вас ждали весь вечер в посольстве...

– Ничего, Жан. Я не переживаю за твоё опоздание. Напротив, даже немного благодарна тебе, но перейдём сразу к делу, – потерев пальцами руки усталые глаза, произнесла она.

– Я думаю, что вам стоит завтра с утра появиться в посольстве у начальника резидентуры. Теперь по делу. Образец, мы думаем, находится в руках французской ячейки Аль-Каиды. Мы уже довольно долго ведём наблюдение за одним из её членов, а именно за Саидом Бен-Арфа. Чашечку кофе, пожалуйста! – высказал своё предположение Жан.

– У вас есть точные доказательства, что образец находится в руках Аль-Каиды? – с какой-то жёсткой интонацией в голосе спросила Анджелина.

– Точных нет, – сделав глоток из только что принесённой официанткой чашечки с ароматным кофе, ответил Жан.

– А я вот сильно сомневаюсь, что это были простые террористы! Ведь, судя по протоколу парижской жандармерии, убитые офицеры ФСБ умерли всего лишь от сердечного приступа. Причём оба в одно и то же время. Есть следы уколов на их шеях, но может быть, их кто-то отравил заранее?

– Да, я согласен с вами! Впрочем, возможно, что образец из-под нашего носа увели какие-либо наемники, работающие на какую-либо третью заинтересованную сторону. Но тогда, скорее всего, где-то была утечка информации. Да, отравить их могли и раньше, но всё же ребят из ФСБ убрали с помощью инъекций с ядом. И я думаю, что это Аль-Каида! – отстаивая своё мнение и мнение резидентуры в Париже, сказал Жан, добавив ещё и точку зрения от самого себя, что было для него весьма обыкновенным делом: всё-таки заместитель начальника резидентуры должен иметь и собственную точку зрения.

– Думаю, что в любом случае версию с террористами нужно довести до логического завершения, ну а если это действительно не они, то надо будет продолжать искать. Правда, перед нами встанет очень хороший вопрос. Где именно? – вздохнув, ответила мисс Стивенсон.

– Хорошо. Тогда мы будем готовить операцию.

– Отлично. Сколько людей у нас есть? – с интересом спросила Анджелина.

– Включая меня, пять, – ответил связной. – Есть ещё ресурсы, но эти ресурсы просто так не выделяют даже на такое дело! Кто-то должен быть в посольстве и координировать наши действия, плюс к этому резервная группа, если с основной группой что-либо случится.

– Тогда начинайте пристальное наблюдение и контроль Саида Бен-Арфа, а когда всё будет готово, я буду лично разрабатывать спецоперацию по захвату объекта. Да, и ещё, я завтра утром появлюсь в посольстве! – сказала мисс Стивенсон, вставая из-за столика. – Удачи! – добавила она и быстрой походкой покинула кафе, раскрыла зонт и принялась ловить такси.

Жан встал из-за столика и, оставив под блюдцем купюру в двадцать евро, поднял воротник кожаной куртки и, медленно пройдя по кафе, перед входной дверью обернулся назад и пристально окинул взглядом всех посетителей. Паранойя была лучшим, что могло быть для разведчика, и отказываться от неё Жан не собирался. Внимательно приглядевшись и не найдя ничего подозрительного, он вышел на улицу и, подняв голову наверх, словно моля у неба прекращения дождя, вздохнул и пошёл вдоль по улице ночного Парижа.

Париж. Посольство США.

Анджелина вошла в здание посольства и, пройдя охрану из морских пехотинцев, подошла к пропускному пункту, предъявив своё служебное удостоверение офицера ЦРУ.

Один коридор сменял другой. Лестницы, и вот она уже была на этаже, где находилась резидентура ЦРУ в Париже. Её целеустремлённый и сосредоточенный взгляд окидывал тех, кто попадался ей на пути и приводил в небольшую задумчивость. Она подошла к кабинету начальника резидентуры Кристофа Левинга, молча кивнув вместо приветствия Жану, который уже был поглощён работой, которой было в это утро уже не мало, и весь его рабочий стол был завален какими-то папками и документами, казавшимися нескончаемыми.

Мисс Стивенсон постучала в дверь по стеклу и вошла внутрь.

– Здравствуйтесь, мистер Левинг, – сосредоточенно произнесла она.

– А, Анджелина, я ждал тебя ещё вчера вечером, но утром Жан мне сказал, что ты появишься сегодня. Не знаю точно, но, может, так даже лучше! – сев обратно за рабочий стол на рабочее кресло и жестом предложив присесть, произнёс он.

– Спасибо, – коротко добавила она и присела на рабочее кресло за стол, поставленный буквой «Т».

– Итак, я думаю, Жан ввёл тебя в курс нашей версии. Причём основной версии, которую мы так холим и лелеем. Саид Бен-Арфа находится под нашим наблюдением, причем у нас есть свой человек в его команде. Это телохранитель Абу Халиф. Он уже очень долго работает на нас и не доверять ему у нас нет никакой причины. С точностью сказать, есть ли у Саида Бен-Арфа или у французской ячейки Аль-Каиды образец, он не может. Но слух об этом деле уже, наверное, прокатился по всему миру. Все охотятся за этим образцом, и у всех разные цели!

– Я понимаю, сэр, что цели у всех разные, но остаётся весь вопрос только в том, у кого он? – положив ногу на ногу, произнесла мисс Стивенсон.

– Сложно с тобой не согласиться, Анджелина! Поэтому мы не будем долго тянуть с захватом Бен-Арфа. Возьмём его тёпленьким, и он нам всё расскажет. Если не сам, то под химией. Думаю, что с Ирака ты научилась не превышать дозировку! – с лёгкой улыбкой сказал Левинг.

– Я думаю, что ваша шутка минимум непрофессиональна! И если вы думаете, что эта тупая курица ничего не умеет делать, вы крепко ошибаетесь, мистер Левинг! Я сама могу вас хорошенько поучить чему-либо...

– Ладно, Анджелина, не кипятись! Просто я хотел подстегнуть тебя, а ни в коем случае не оскорблять! – продолжая вертеть в руках ручку, сказал он.

– Я не обижаюсь! Просто вам нужно поумерить свой юмор! Он здесь вам не поможет! Просто давайте сделаем это дело, и всё! – пристально посмотрев в глаза начальнику резидентуры в Париже, произнесла мисс Стивенсон.

– Хорошо, Анджелина. Полный отчет о распорядке дня Саида Бен-Арфа будет у тебя сегодня вечером, и тогда можешь приступить к разработке плана захвата.

– Отлично, сэр! Хорошего дня, – сказала мисс Стивенсон и встала с рабочего кресла из-за стола и направилась к выходу из кабинета. Она положила свою изящную руку на дверную ручку и нажала на неё, выйдя из кабинета. Рядом с дверью её уже ждал Жан.

– Как прошёл разговор? – спросил с интересом он.

– Как всегда! Он думал, что умнее всех на свете, хотя только способен на то, чтобы отдавать приказы, жирный козёл, припомнив комплекцию Кристофа Левинга, сказала Анджелина.

– Похоже, ты его не очень любишь, – усмехнувшись, добавил Жан.

– А за что мне его любить? За его тупость? – жёстко произнесла Анджелина. – Жан, буду ждать твоего отчёта по распорядку дня Бен-Арфа и все наработки по нему.

– К позднему вечеру всё будет готово! Может, поужинаем сегодня вечером? – улыбнувшись, спросил он.

– Не обижайся, Жан, но у меня немного другие планы, – подмигнув ему, добавила Анджелина и направилась к лестнице.

Рим.

Глубокий сон не хотел уходить и растворяться в утренних часах, пробуждая Льюиса. Он продолжал спать и видеть себя маленьким, стоя на заднем дворике отчего дома в Лондоне. Говард помнил, как любил играть в солдатиков, которых разбрасывал его пес Джерри, большой бульмастиф, любивший своего маленького хозяина, как собственного сына, как ни глупо это выглядело со стороны. Пёс охранял его от всех напастей и был готов защитить от всего. И сейчас во сне он видел своего пса.

Детские воспоминания постепенно начинали растворяться в пучине жестокостей прошлого, примешивая к светлым детским воспоминаниям стойкий оттенок красного. Той красной бурой крови, которая текла по пескам времени.

Время мучило Льюиса намного сильнее, чем жизнь. Оно давало ему возможность помнить и не забывать. Крики агонии, выстрелы, всплески песка от трассирующих пуль, кровь и снова тишина, мучившая его каждую ночь...

– Нееееет! – вскрикнул Говард и, резко сев на кровати, стал сбрасывать с себя обрывки прошедшего сна. Он хотел раз и навсегда избавиться от них, но это у него никогда не получалось.

Льюис встал с кровати и прошёл на кухню, выпив воды из чайника, и вернулся обратно в комнату, взяв в руки пистолет и нажав на рычаг безопасного спуска курка. Он всунул пистолет в кобуру на ремне и, сев на кровать, с силой потёр ладонями лицо, пытаясь забыть прошедший сон.

Говард понимал, что время бессильно и беспомощно, чтобы одолеть его сны. Даже всё казалось с точностью наоборот. Чем больше проходило времени, чем тяжелее и больнее становилось ему. Всё уходило безвозвратно, но во снах продолжало мучить его душу, которая была уже без сил от тех еженощных кошмаров. Призраки прошлого не отпускали Льюиса, а только пытались всё сильнее привязать его к себе и унести его в ад вместе с собой. Что же было до Говарда, то он хотел просто не помнить, но не мог не помнить! С каждым новым сном он снова и снова возвращался в прошлое, которое терзало его за его ошибки, которых было превеликое множество, как собственно и у любого человека. Только вот не всем их ошибки являются каждую ночь, хотя, конечно, всё бесспорно зависит от самих ошибок.

Льюис встал с кровати и накинул на себя куртку, которая лежала рядом в стороне. Он понимал, что впереди долгая дорога и очередная цепь искупления грехов, которые никто не мог ему отпустить, и даже отец Бернардо не мог ничего поделать с душой Говарда, которая не отказывалась каяться, а отказывалась признавать допущенные им ошибки.

Льюис вышел из квартиры и закрыл дверь на замок, убрав связку с ключами себе в карман куртки. Он медленно спустился вниз и вышел из подъезда, медленным шагом пойдя вдоль улицы. Мысли его мешались одна с другой, а третья терялась в четвёртой. Ему казалось, что за ним следят, но слежки никакой не было, ведь, если бы его кто-то выследил, то он бы не пережил эту ночь.

Говард продолжал идти, растерянно смотря на прохожих, которые сторонились его и обходили стороной, будто чувствуя, что он не в себе. То же самое думал о себе и Льюис, но он, в отличие от прохожих, не мог убежать от себя, а должен был продолжать жить. «Бог поможет, если сочтёт это нужным!» – твердил про себя Говард и продолжал идти. Ему срочно нужна была машина, чтобы добраться до Тулузы. Ехать на поезде было опасно.

Он зашёл в проулок и увидел стоявший без присмотра «Мини-Купер». Льюис подошёл к нему и, просканировав его радиочастоту, вскрыл замок и снял сигнализацию. Говард сел в машину и, сломав обшивку под рулём, завёл двигатель. Льюис включил вентилятор и на него подул тёплый воздух. Он нажал на педаль газа и вырулил на улицу, направившись к выезду из города.

Париж. Отель в центре города.

Романов готовился к ужину, вспоминая, как весь день промотался в слежке за Саидом Бен-Арфа и снова толком ничего не выяснил, только слабые намётки и неточности в отношении всего терзали его. Он понимал, что, скорее всего, у французской ячейки Аль-Каиды не было образца иначе бы Бен-Арфа не был таким спокойным и неспешным в своих действиях на улице, и группа прикрытия бы была более осторожной, в отличие от той, которая не могла разглядеть следующий за ним кроссовер практически по пятам. Но дело было уже не только в этом! Продолжать работать всё равно было необходимо. Чувства для контрразведчика, конечно, были важны, но проверить всё до конца нужно было и довести дело до его логического завершения, а там уже как удача отвернётся или повернётся к тебе лицом. Такое часто бывало, когда человек шёл напролом и не оглядывался, он получал то, что ему было так важно, правда, везение тут совсем было не лишним.

Андрей надел чёрный костюм, поправил воротник белой сорочки и завязал красно-белый галстук с тонкими полосками. Время подходило к восьми, и Призрак, покинув свои апартаменты, направился по дорожному ковровому покрытию ярко освещённого коридора к лифту.

Спустившись в центральный холл отеля, Андрей прошёл мимо стойки администраторов, около которой крутились туристы из Европы, и направился в ресторан. Зайдя внутрь, его ослепил яркий лучистый свет огромных красивых люстр, которые нависали над всем залом, и, пройдя несколько шагов, он стал растерянно, бегло искать ту самую девушку, натываясь своими глазами на ужинавших в зале людей, как одних, так и с семьями.

Романов смотрел тщательно, и внезапно его взгляд буквально застыл, словно почувствовав очаровательные глаза, неотрывно смотревшие на него. Она сидела за столиком в роскошном фиолетовом платье, а на её шее великолепно смотрелось золотое кольцо с вкраплением мелких бриллиантов. Призрак подошёл к столику и с улыбкой на лице сказал:

– Добрый вечер, Кристин.

Она окинула своим взглядом Андрея и, слегка улыбнувшись, ответила:

– Добрый вечер, Алессандро, присаживайся, я уже сделала заказ, решив, что ты будешь не против моего вкуса, – с какой-то проникновенностью посмотрев Призраку в глаза, сказала она.

Романов почувствовал этот взгляд своим сердцем, он ощутил что-то давно ушедшее от него неизвестно куда, туда, откуда давно уже не было никаких чувств и мыслей, будораживших его так же, как этот проникновенный взгляд. Андрей ещё раз улыбнулся, не противясь этому теплу, которое доставляло ему несравнимые ни с чем удовольствие и радость. Отодвинув стул, он присел напротив неё, неотрывно продолжая смотреть на Кристин.

– Вы просто очаровательны, – с какой-то необыкновенной лёгкостью, чуть слышно произнёс Призрак.

– Спасибо за комплимент, но давайте сразу перейдём на «ты». Не против? – обворожительно хлопнув длинными ресницами, предложила она.

– Ни в коем случае, – на какие-то секунды растерявшись, а позже собравшись, ответил Романов.

– У тебя потрясающее зелёные глаза, такое впечатление, что в них скрывается какая-то загадка, – неотрывно смотря на Андрея, сказала Анджелина.

– Хм... Глаза – зеркало души, – положив свою ладонь на руку Анджелины, сказал Призрак.

– Да, действительно. Но в твоих глазах много боли и утрат, а это скрыть невозможно, потому что глаза хранят те фрагменты нашей жизни, которые мы не в силах забыть, даже если нам это очень хочется, – немного загрузив на какое-то мгновение, произнесла она и снова улыбнулась.

– Наверное, ты права. Но в твоих глазах, я уверен, читается, то же самое, что и в моих. Я прав? – с нежным взглядом, направленным на неё, спросил Романов.

– Отчасти, Алессандро, отчасти, – сосредоточенно добавила Анджелина.

– Ваш заказ, – подойдя с подносом к столику, где сидели Андрей и Анджелина, сказал официант, разложив тарелки перед ними и разлив по бокалам красное сухое вино. – Приятного аппетита, – добавил он и исчез вместе со своим подносом.

Они долго сидели и разговаривали, изредка шутя и посмеиваясь друг над другом. В каждом их слове была теплота, которую нельзя было подделать, она была явственна. Время текло быстро и стремительно, как и вся жизнь, и сложно было заметить то самое неподдельное счастье, которое так трудно разглядеть в тёмном углу жизни. Однако там всегда будет гореть свеча надежды и веры, где будет место и, конечно же, любви...

После ужина они вышли из ресторана и остановились в центральном холле отеля. Призрак взял Анджелину за руки и поцеловал их.

– Мы встретимся ещё, Алессандро? – спросила она.

– Конечно, Кристин, – ответил Романов и, положив свои руки на её стройную талию, нежно поцеловал в губы. – Я найду тебя, – сказал Призрак и исчез в разъехавшихся дверях лифта.

В эту ночь Андрей не мог заснуть. Что-то терзало его, не давая забыться и уснуть. Он ощущал что-то близкое – то, что для него и, наверное, была сама жизнь. Да, именно та жизнь, где нет ничего кроме любви и душевного тепла, которое люди дарят друг другу в надежде на светлое счастливое будущее. Ему казалось, что эти размышления не дадут уснуть ему в эту ночь, но, спустя некоторое время, Романов всё же заснул, думая о ней, той девушке, которая смогла растопить лёд в его сердце за один лишь вечер. Это было потрясающим открытием для Призрака, думавшего долго о том, что он так и останется один на этом свете. Андрей не знал, что будет дальше и какие препятствия встретятся на их пути, но это будет их жизнью и их выбором, но жизнь, правда, всегда диктует свои правила, а судьба тем более.

Сон был каким-то непонятным, скрываясь в глубинах сознания, для того чтобы нельзя было увидеть суть. Но вдруг туманная пелена схлынула и стали прокручиваться какие-то события. Смерть, слёзы, утраты, стали пробегать с такой скоростью, что их нельзя было толком уловить. Ничего не было понятно, только резкий привкус горечи во рту разбудил Призрака.

Романов открыл глаза и сел на постели, поставив ноги на пол. Правой рукой он вытер холодный пот со лба и хотел вспомнить то, что увидел во сне.

Долго мучаясь и пытаясь докопаться до своего сознания, Андрей хотел проанализировать увиденное во сне, но в итоге так и ничего не вспомнил. Не потому что не хотел вспомнить, а потому что организм сам блокировал память, чтобы не причинить Призраку лишнюю боль, которой итак было немало в его нелёгкой жизни.

Умывшись, Романов оделся и стал обдумывать свои действия. Всё было более или менее понятно. Следить сегодня за Бен-Арфа было невозможно, была возможность быть замеченным, и тогда уже бы был полный провал. Довести до этого Андрей не хотел. Он понимал, что пора было подключать к действиям группу, имевшуюся в его распоряжении, но тут тоже было не всё так просто. Засветить штурмовиков, которые умеют, по сути, только хорошо воевать было делом нетрудным, и поэтому Призрак решился рискнуть и оставить Бен-Арфа на этот день без присмотра, а на завтра планировать операцию по захвату прямо на улице. И сделать всё нужно было быстро, тихо и молниеносно, одним словом, так, чтобы комар носа не подточил.

Без захвата и допроса было невозможно узнать, где убежище ячейки Аль-Каиды в Париже и есть ли у них «образец». Во всяком случае, на всё про всё было не более нескольких часов, так, чтобы убежище ячейки не опустело. Это обозначало, что ни в коем случае телохранители и группа прикрытия не должны были подать сигнала бедствия, а значит, уничтожать нужно было всех, и делать это с максимальной быстротой, чтобы исчезнуть. Жандармерия не будет посвящать общественность в это дело, а ЦРУ окончательно всё это замнёт, но тогда уже искать будут не только Бен-Арфа, но и тех, кто расправился с его группой и похитил его самого. Всё нужно было продумать как следует, и только потом начинать посвящать в это свою команду, которая была отнюдь не многочисленна, а скорее, наоборот! В любом случае расчёт на неожиданность и хорошую комбинацию давал хороший результат, но его ещё надо было добиться...

Андрей сидел за столом в своём номере и продолжал верстать план операции на подготовку, к которой ещё требовалось время с учётом всех сложностей этой диверсионно-разведывательной операции. Он думал, решая одну поставленную перед собой задачу и заменяя её другой, не менее сложной. В результате, после долгих исканий и расчетов план операции лежал перед Романовым на столе.

Призрак вытащил из бокового кармана пиджака смартфон и набрал какой-то номер.

- Да, – ответил голос связного.
- Нужно встретиться, – массируя левый висок, сказал Андрей, ощущая в голове тупую боль.
- Хорошо. Завтра на прежнем месте в полдень.
- Я всё понял, – сказав эти слова, Романов нажал на смартфоне отбой и положил его на стол. Он мимолётно взглянул на наручные часы, которые показывали семь часов вечера, и подошёл к телефону, резким движением сняв трубку:
- Внимательно вас слушаю, – ответил администратор отеля.
- Соедините, пожалуйста, с номером мадмуазель Лафоре.
- Соединяю.
- Да, – ответила Анджелина, оторвавшись от своей аналитической работы, которой посвятила весь свой день.
- Кристин.
- А, синьор Алессандро. Я уже думала, что вы забыли про меня, – с улыбкой на лице сказала Анджелина.
- Нет, Кристин! Как я мог забыть? Ты занята, чем-либо?
- Нет, практически нет.
- Тогда, давай прогуляемся, – кладя смартфон в боковой карман пиджака, сказал Романов.
- Хорошо, Алессандро, через пятнадцать минут жди меня в центральном холле отеля.
- До встречи, Кристин, – сказал Призрак и положил телефонную трубку.
- Андрей завязал галстук, надел пальто, причесал волосы у зеркала и вышел из номера, закрыв за собой дверь и, пройдя по коридору, спустился на лифте в центральный холл отеля, пройдя мимо стойки администратора, присел в кресло.
- Долго ждать Романову не пришлось. Не прошло и десяти минут, как Кристин спустилась в холл. Призрак, увидев её, встал с кожаного кресла и застыл в ожидании.
- Здравствуй, – подойдя к Андрею, сказала она и слегка устало улыбнулась.
- Здравствуй, – ответил Романов и, взяв Анджелину за руки, поцеловал их.
- Глаза Анджелины светились от счастья. Она понимала, что уже давно ей не было так хорошо, как сейчас, что ещё вот-вот и её жизнь уже не будет такой пустой, какой была ещё несколько дней назад.
- Пойдём? – сжав её ладонь в своей, спросил Призрак.
- Но, куда? – загадочно посмотрев Андрею в глаза, спросила она.
- Это не так важно.
- Они вышли из отеля и, не спеша, пошли по парижским улицам. Каждому казалось, что они находятся в этот момент не в реальной жизни, поскольку в реальной жизни они видели только смерть, кровь и прочую «грязь» этого мира. Но в этот момент для них никто не существовал, только они сами. Им казалось, что весь мир существует для них и для этого прекрасного, пусть и пасмурного вечера. Дождя не было, но холодный ветер дул в лицо, но и это их не пугало, а только согревало, согревало их сердца...
- Алессандро, а чем ты занимаешься? – спросила она, когда они стояли на первом этаже Эйфелевой башни.
- Я адвокат. Занимаюсь гражданским делопроизводством, – положив свою руку на её стройную талию, ответил Романов. – А, ты?
- Я финансист, – посмотрев Призраку в глаза, ответила Анджелина.
- В твоих глазах усталость, – проведя по её щеке ладонью, сказал Романов.
- Да. Это правда, – ответила Анджелина.
- Я знаю, – сказал Призрак и, обняв её, поцеловал в губы. – Ты мне очень нравишься.

– Ты мне тоже. В тебе есть что-то загадочное, то, что ты не показываешь, – сказала Анджелина и, обняв Романова, положила ему свою голову на плечо.

– Я люблю тебя, Кристин, – сказал Андрей и поцеловал её в лоб.

– Ты знаешь, – растеряно начала она, но, мне кажется, что я знаю тебя уже много лет и... Странно... Но я тоже люблю тебя, Алессандро, – ответила Анджелина и поцеловала его в губы.

– Пойдём, – сказал Призрак, взяв Анджелину за руку.

Они спустились и медленно пошли обратно в отель, постоянно смотря друг другу в глаза, словно ощущая в них то тепло, которое они так давно не чувствовали. В эти минуты они не думали ни о чём и ни о ком, для них просто существовали только они сами, и более никого.

Войдя в центральный холл отеля, Романов обнял Анджелину и сказал:

– Пойдём ко мне, – и нежно поцеловал её в губы.

– Я... Я не знаю... А... – неуверенно пробормотав по началу произнесла она, а потом услышала в своём сердце его голос.

– Не надо не говори ничего. Ты самая красивая, и я хочу быть с тобой, – сказал Призрак и крепко обнял Анджелину. – Мы идём?

– Да, Алессандро, – растерянным голосом ответила она.

Они поднялись на лифте и, пройдя немного по коридору, вошли в номер Романова. Андрей закрыл дверь и снял с себя пальто и пальто с Анджелины, бросив их на диван с кожаной обивкой, а потом обнял её и, нежно сказал ей на ушко только четыре слова:

– Я люблю тебя, Кристин.

Марсель.

Свет фар освещал дорогу. Паучки света теребили дорожное полотно, как внезапно появляясь, так и внезапно исчезая. Льюис был на подъезде к Марселю, одному из крупных портовых городов Франции, где он бывал довольно часто, как собственно и на всей территории в целом, чаще приходилось быть в Париже, особенно перед посадкой на экспресс до Лондона.

Сейчас всё было каким-то странным и непонятным для Говарда. Крайне малое количество информации и большая дорога из трупов в Риме вызывала плохие чувства. Ему было понятно только одно, что всё это рано или поздно приведёт его в настоящий ад, даже несмотря на то, что он был простым слугой Господа. Льюис хорошо знал, что благими намерениями выстлана дорога в ад, и в этом никогда не сомневался, постоянно стоя на краю обрыва, перед долгим падением в бездну, которое, возможно, уже началось, а он попросту этого не заметил, хотя хотел бы понять это, но всё это было очень сложно, постоянно теряясь в себе и своём пути, который вёл его далеко от заповедей Христа...

Говард заехал в Марсель и направился к портовым докам, где в одном из контейнеров было его хранилище для необходимого ему инвентаря. Такими квартирами и контейнерами была исчерчена карта всего мира. Где-то склады, где-то заброшенные здания и прочее и прочее.

Льюис добавил давления на педаль акселератора и скорость «Мини Купера» постепенно стала прибавляться. Он понимал, что не задержится здесь, а отправится сразу в Тулузу, до которой уже было совсем недалеко. Осложнялось всё только тем, что в Тулузе не было никаких квартир, и поэтому можно было рассчитывать только на дешёвый мотель, где за лишние деньги у тебя не спросят не то, что паспорта, но и даже не захотят посмотреть тебе в лицо. Ведь деньги имеют могущественную силу, и на них можно купить абсолютно всё.

Говард приближался к порту, продолжая анализировать ту меньшую информацию в его распоряжении. Впереди у него была, как впрочем и всегда, интересная и нестандартная миссия, вот только он как любил свою работу, так же и ненавидел. Быть постоянно на острие ножа и разгуливать по его лезвию было как интересно, так и опасно, а вся опасность постепенно утрачивала свой эффект, и казалось, что везти ему будет вечно, хотя Льюис знал, что фортуна изменчива, и рано или поздно придётся сполна за всё заплатить, но, дабы не приближать это

время, оставалось делать всё с осторожностью и при минимальных рисках, хотя такая фраза в утверждении звучала до ужаса глупо.

Говард заехал в порт и стал петлять по территории, ища свой контейнер, который стоял в доках. Он относительно скоро его нашёл и затормозил автомобиль, заглушив двигатель.

Льюис хорошо помнил, что в контейнер подведено электричество, а значит, фары можно выключить, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Порт был беспокойным местом, тем более в Марселе, где прибывавшие из северной и центральной Африки беженцы заполнили всё, пытаясь найти лёгкие деньги, чтобы хоть как-то протянуть на чужой земле старушки Европы, где жизнь всегда была дорогой и только будет дорожать дальше, несмотря на все заверения политиков Евросоюза, что жить стало лучше. «Политики всегда врут», – подумал Говард, понимая, что такая уж у них работа – постоянно врать и обещать то, чего невозможно исполнить. Коррупция в Европе продолжала процветать и, как все самые дьявольские цветы, происходили из США, где всего этого было пруд пруди.

Льюис вышел из машины и, закрыв дверцу автомобиля, направился к контейнеру, достав из кармана связку ключей. Он быстро подобрал нужный ключ и открыл висячий замок, потянув правой рукой на себя дверь контейнера. Скрип железа издал неприятный звук, и петли пожалели о том, что их уже очень долго не смазывали маслом, но куда было деваться, если у хозяина ни на что толком не хватало времени...

Говард зашёл в контейнер, откинув в сторону штору из непрозрачной толстой плёнки, и перед его взором открылась дверь и кодовый замок с сенсорным управлением. Он быстро ввёл пароль, и дверь открылась. В контейнере автоматически включился свет светодиодных светильников, которые осветили стеллажи с оружием и прочее, что было так необходимо для оперативной работы.

Льюис взял с пола большую сумку и стал складывать в неё то, что могло бы ему пригодиться. Он взял штурмовую винтовку «SCAR-H», дополнительные магазины к ней, тяжёлый бронежилет с разгрузочной системой, взрывчатки типа «С-4», несколько кусков, набор электроники для приведения её в действие, ноутбук, бинокль, тепловизор, прибор ночного видения, и многое другое, включая новые номера и поддельные документы.

Говард погрузил всё это в большой сумке в багажник «Мини-Купера» и закрыл контейнер, после чего сел в машину и направился из доков к выезду из Марселя, направляясь в Тулузу.

Париж.

Призрак открыл глаза и почувствовал необычайное и такое нежное тепло в своём сердце. Он вспоминал, но так и не мог найти то чувство, какое царило в нём в этот момент. Ему казалось, что его сердце навсегда останется ледяным и никогда не дождётся такой нужной всем весны.

Андрей посмотрел на лежавшую рядом Анджелину, спящую на левом боку, прислонившись щекой к подушке, изредка сжимая и разжимая в руке белоснежную простыню. Романов нежно провёл ладонью по её оголённой спине и, чуть коснувшись губами, поцеловал шею. Девушка медленно открыла глаза и ласково посмотрела на Призрака.

– Алессандро, ты...

Но Андрей не дал ей договорить, поцеловав Анджелину в губы, а потом в шею.

– Я не смогу без тебя жить, любимая, – посмотрев ей в глаза, сказал Романов.

– Я тоже уже не смогу, – ответила она и провела ладонью по щеке Призрака. – Эта любовь для меня как неизведанная сказка, откуда не хочется возвращаться в мир реальности и суеты. Одним словом, всё так сложно и так нелегко в этой жизни...

– Да, но теперь ты для меня и есть жизнь, – поцеловав её в губы, сказал Андрей.

– Ты надолго задержишься в Париже? – спросила Анджелина, сев на кровати и переведя свой волнительный взгляд на него.

– Пока не закончу дела, – ответил Романов и поцеловал её плечо несколько раз.

– Мы встретимся ещё?

– Конечно, Кристин, – ответил Призрак и встал с кровати.

– Хорошо, – сказала она и, встав с постели, начала одеваться. Спустя несколько минут они, скрепя сердцем, попрощались и Андрей остался в номере один. Романов прекрасно помнил, что сегодня в полдень он должен будет встретиться со связным, но в голову ничего не шло. Все его мысли были только о Кристин. Он в первый раз почувствовал, что наконец встретил того человека, который заполнил его сердце полностью, спустя много лет.

Теперь Андрей понимал, что живёт только ей. Если бы он мог, то изменил бы всю свою жизнь с этого момента и его прошлая жизнь уже не будет играть никакой роли, однако сердце как всегда защищалось, опасаясь обжечься от такого сладостного и ласкового тепла. Что же было до настоящего, то для него оно было уже совсем другим, хотя ещё во сне помнил приходящих к нему призраков из прошлого.

Призрак сел в кресло и откинул голову назад, уставив свой взгляд на расписной потолок и лепнину, украшавшую всё это великолепие. Он пытался переключить свою голову на рабочий лад, понимая то, что ему просто хотелось сейчас быть с Кристин, а не продолжать воевать на той войне, где никогда не будет победителей, а будут только побеждённые, такие например, как он...

Промозглая зимняя погода была, бесспорно, нормой для Франции. Временами холодный дождь сменялся холодным ветром. Андрей шёл, не спеша, по улице, не забывая тот факт, что в Западной Европе было нормой неспешная походка, которой Призрак всегда придерживался, чтобы ни в коем случае не выделяться из толпы. Туриста из другой страны всегда можно было отличить от парижанина, а парижанина от туриста не только по одежде, но и по походке или комплекции. Пройдя группу своих соотечественников, которые шумно что-то обсуждали на русском языке, Призрак добрался до Эйфелевой башни.

Настроение было одновременно каким-то и унылым и радостным. Он не знал, чего было больше, но знал, чего было меньше... Времени... Времени никогда ни на что не хватало, как не хватало времени на то, чтобы просто жить, а не воевать, как Романов привык за свою многолетнюю карьеру контрразведчика.

Накрапывал дождь. Даже в такое далеко не лучшее время года он с удовольствием проходил весь путь пешком от отеля до места встречи или ещё куда-либо. На какое-то время ему казалось, что неважно, куда было идти, главное было – идти и не останавливаться. Идти туда, куда он обязательно должен был прийти, несмотря на все сложности своей жизни.

Романов ждал связного, вспоминая, как вчера вечером был здесь с Кристин. Он пытался отгонять от себя все мысли, не касающиеся службы, но у него ничего не получалось, словно всё напоминало ему здесь о ней.

– Какой-то ты сегодня странный, – подойдя к Призраку, сказал связной.

– Тебе показалось, всё нормально, – ответил Андрей.

– Какие новости?

– Я долго следил за Бен-Арфа, но по контактам пусто. Я принял решение осуществить захват и развязать ему язык. Я понимаю, что французская ячейка может уйти на дно, но другого выбора у нас нет. Всё нужно будет сделать быстро и грамотно. Понадобятся все резервы, которые мы только имеем.

– Хорошо, сегодня вечером жду тебя вот по этому адресу, – протягивая небольшой конверт, сказал связной. – Все будут там в шесть вечера.

– Я понял, – взяв правой рукой конверт и вытащив оттуда визитку, которую внимательно осмотрел, и запомнив всё, что там было написано, отдал конверт обратно связному.

– До вечера, Алессандро Гамберини, – улыбнувшись, произнёс Шакал и исчез в толпе.

Андрей подошёл к ограде и взялся руками за металлическую конструкцию, плотно сжав её в ладонях. Лёгкая влага впиталась в кожу, и Романов глубоко вдохнул сырой парижский воздух, вспоминая о Кристин. Ему казалось, что везде пахло ей, но это было только чувство любви, на которое не влиял даже накрапывавший дождик.

Париж. Отель в центре города.

Анджелина сидела в своём номере за столом и продолжала заниматься аналитической работой, обрабатывая террористов и их контакты на французской земле. Она постоянно сосредотачивалась и снова теряла мысль, думая об Алессандро. Ей уже по сути ничего не хотелось. Её единственным желанием было быть с ним и только. Всё остальное казалось ей таким зыбким и не заслуживающим внимания, что это её даже слегка пугало, поскольку служба для неё всегда была самым главным и обязательным, но в данный момент её мысли были только о нём, и более ни о ком другом. Ей казалось, что она задыхается. Задыхается от того чувства, которое испытывает к человеку, которого не так давно знает. Её переживания внезапно прервал звонок смартфона. Она взяла его правой рукой и ответила:

– Да.

– Мисс Стивенсон, добрый день. Это Жан.

– Да, я узнала, – ответила она. У Анджелины всегда была хорошая память на лица и голоса.

– Мы полностью отработали план захвата Саида Бен-Арфа, и сейчас я пришлю его вам по почте, – волнительным голосом сказал Жан.

– Отлично! Я всё внимательно изучу и внесу свои коррективы, – ответила Анджелина. Она собралась с мыслями и сконцентрировалась. Ей было понятно, что от неё ждут какого-то нестандартного хода. Но что она могла сказать, до того как ознакомилась бы с планом? Поэтому мисс Стивенсон взяла паузу на анализ и размышления. – Я постараюсь внести непосредственно свою оригинальность, Жан. В любом случае операцию мы должны будем произвести завтра днём на улице. В том месте, которое наиболее благоприятно для развёртывания спецоперации.

– Хорошо. Я всё понял.

– Ну и отлично, – сказала Анджелина и нажала на смартфоне отбой. Она положила его на стол и открыла свой почтовый ящик, куда только что пришёл план спецоперации по Бен-Арфа, составленный во французской резидентуре ЦРУ. Сразу были видны ляпы Левинга, который, толком не зная азов полевой работы, пытался выглядеть гением, однако это у него совсем не получалось. Были видны и светлые просветы в виде интересных предложений Жана по обновке транспорта и быстрому захвату. Оригинальностью Анджелине было сложно блеснуть! Операция была из разряда типовых и обычных, учитывая особенно тот факт, что работать предстояло на улице днём в час пик, хотя час пик было сказано с издёвкой! Часы пик, скажем, в Нью-Йорке и Париже абсолютно разные, поэтому часом пик это было однозначно нельзя обозначить. Можно было просто прилепить с боку ярлык в оживлённое дневное время.

Мисс Стивенсон решила придерживаться стандартов. Снайпер с винтовкой калибра 50 браунинга и два бронированных внедорожника, по её мнению, было лучшим видом захвата. Как отреагирует на операцию охрана и группа прикрытия Бен-Арфа, было определёнno загадкой, поэтому ожидать можно было чего угодно, от беспомощной пассивности до яростного сопротивления. В любом случае, как говорили её учителя из Лэнгли, ждать неприятностей надо именно в простых операциях, а не в сложных, спланированных до мелочей.

Анджелина отправила подтверждение плана спецоперации и время сбора в резидентуре – десять утра.

Она тяжело вздохнула и подошла к окну, посмотрев на сумеречный город. Париж уже включил ночное освещение, но оставалась небольшая доля света, который стремительно исче-

зал, уходя на покой до завтра... Однако каким будет это завтра, мисс Стивенсон не знала, да и не могла знать.

Лёгкие сумерки с каждой минутой приближали очередной зимний вечер. Романов пытался прорабатывать дополнительные варианты спецоперации, поскольку быть, как всегда, могло что угодно. Он хорошо понимал, что ребята из Лэнгли не будут сидеть сложа руки и надувать щёчки с недовольным взглядом, а попытаются взять всё себе! Андрей знал их методы, которые больше походили на бросок гремучей змеи, которых в Аризоне и Южной Дакоте он насмотрелся сполна. Так же примерно работало и всё ЦРУ. Жёстко, агрессивно и быстро, но зачастую плохо продуманно, что оставляло шансы главному противнику звёздно-полосатой армии шпионов.

Внимательно прорабатывая географию места захвата, Призрак понимал, что то же самое место могли бы выбрать и ребята из Лэнгли. Шанс встретиться с ними в одно и то же время и в одном и том же месте был, и был достаточно реален. В любом случае нужен был запасной отход. Романов хорошо знал, что ребята из ЦРУ любили работать стремительно и на колёсах, нежели пользоваться удобными выходами с задних дворов и проулков, где тихонько могла ждать машина, под прикрытием снайпера. Одним словом, на счастье Андрея рядом с местом проведения операции был подъезд с проходом на задний двор.

Призрак сделал фото со спутника в хорошем приближении и мысленно начертил место, где должна была стоять машина и ждать их с объектом. Остановить же машину Бен-Арфа и группы прикрытия можно было направленным взрывным устройством в припаркованном у тротуара фургоне. Это был великолепный план, который, само собой, предполагал наличие двух снайперов. Одного – с выходом на улицу, другого – с обзором всего внутреннего двора.

Однако всё это подразумевало меньшее количество штурмовой группы, чем-то нужно было жертвовать! Но чем? Вопрос был сложным, и решить его, не посоветовавшись с другими членами команды, было недопустимо.

Андрей надел тёмно-синий костюм из дорогой шерсти и зашнуровал ботинки. Завязал светло-синий галстук, накинул пальто, не забыв при этом посмотреть в зеркало, чтобы пригладить свои короткие волосы.

Он взял со стола ключ от машины и ключ-карту от номера. Взял со стола карту памяти и покинул свои апартаменты. Романов не спеша спустился по лестнице, думая о предстоявшей операции, и оказался в холле отеля. Но вдруг его мысли дали небольшой сбой. Этот факт удивил и немного испугал Призрака, но спустя мгновение концентрация вернулась.

Андрей внимательно осмотрелся по сторонам, не забывая об осторожности, которую всегда ставил во главе угла, и вышел из отеля, где у тротуара стоял его арендованный кроссовер. Он снял автомобиль с сигнализации и потянул на себя ручку дверцы, которая тут же открылась, и Романов сел на удобное кресло в салон, захлопнув за собой дверцу. Лёгкая головная боль медленно, но верно вновь начинала его мучить, не давая забыть неудачную операцию в лесу много лет назад, в которой он получил травму головы.

Призрак вытащил из внутреннего кармана пиджака блистер с таблетками и проглотил одну штучку. Проходили минуты, с каждым новым мгновением унося боль прочь из головы. Андрей завёл двигатель и, поставив рычаг автоматической коробки передач на «Drive», опустил ручной тормоз и направился по тому адресу, который указал ему связной.

Но вскоре его мысли опять ушли куда-то далеко-далеко, не желая переключаться на рабочий лад, поскольку в данный момент все его желания и каждый удар сердца принадлежал ей... Это было странно для Призрака, но давать волю чувствам было сейчас не самое время, поэтому он, снова собравшись, нажал на педаль акселератора, и кроссовер стал набирать скорость, приближая его к месту встречи.

Романов отъехал на несколько километров от центра города и остановил арендованный «Ауди» около невысокого длинного дома. Андрей заглушил двигатель и выключил фары. Приятный свет городских уличных фонарей делал Париж более привлекательным и красивым по сравнению с его дневным аналогом... По крайней мере Призрак думал так, далеко не являясь поклонником Франции и всей французской культуры в целом.

Романов вышел из машины, поставив её на сигнализацию, и, подойдя к подъезду, увидел знакомую фамилию и инициалы на звонке домофона. Он лёгким движением пальца нажал на кнопку и через несколько секунд услышал голос связного:

– Кто там?

– Это я. Или вы, может, ещё кого-то ждёте? – усмехнувшись, спросил Андрей.

– Заходи.

Замок тут же открылся, и Призрак потянул ручку входной двери на себя, зайдя внутрь подъезда. В парадной было чисто и комфортно. Европа, как всегда отличалась от российских подъездов или американских, где процветал гадюшник. Чистота и аккуратность была на высшем уровне, что добавляло балл в копилку французской столице.

Повсюду были расстелены красные ковровые дорожки, за которыми производился тщательный уход, а на стенах висели красивые светильники. Романов не спеша прошёл по ковровой дорожке и подошёл к винтообразной лестнице. Он быстро взбежал по ней на третий этаж и постучал в дверь.

– Проходи, – устало произнёс связной, открыв дверь.

– Неплохо тут у вас, – произнёс Андрей, повесив пальто в шкаф-купе, стоявший в коридоре.

Связной молча закрыл входную дверь на замок и прошёл по длинному коридору в гостиную.

Призрак потёр слегка усталые глаза и проследовал туда же, пройдя по практически пустому коридору с отличным деревянным паркетом. Он вошёл в гостиную, которая была обставлена довольно богато, и увидел сидящих на диване и кресле рядом с журнальным столиком членов группы. Андрей прошёл дальше и сел на свободное кресло.

– Итак, – вздохнув начал он, – ознакомьтесь с моими наработками, – вставив карту памяти в ноутбук, лежащий на журнальном столике, сказал он. – Здесь находится полностью мною проработанный план спецоперации по захвату Бен-Арфа. Я сделал пару снимков со спутника, чтобы вы наглядно смогли себе лучше представить то, что будете делать. Ещё раз хочу напомнить, что мы не одни охотимся на Бен-Арфа, ребят из Лэнгли стоит ждать в самый непредсказуемый момент. И вы должны быть к этому готовы. Они не должны застать нас врасплох. Особенно большая ответственность ложится на снайперов их желательно, чтобы было двое, и они должны будут нас прикрывать.

– Хороший план операции, – одобрительно сказал Шакал, взяв только что распечатанные снимки и план операции в руки. – Очень удобное место для захвата, точно стоит ждать возможного появления ребят из компании. В любом случае они любят работать по-ковбойски, и это их огромный минус, если их возможного появления ждут.

– Собственно, я думаю, что всё просто и понятно. Делимся на три группы. Первая – это мы, я её возглавлю, – подчёркнуто произнёс Призрак. – Шакал, ты будешь одним из снайперов, и тебе я доверяю улицу, группа снайперов будет вторая, транспорт – третья. Транспорт будет состоять из двух внедорожников и разбитого фургона, который Шакал подкатит на улицу и заминировать. Таким образом, в каждой группе будет по два человека. Всё понятно? – распределив всем их места и обязанности, спросил Романов.

– Думаю, да, – ответил связной, а остальные просто закивали.

– Раз вопросов больше нет, то тогда операция начнётся завтра в восемь утра. Да, само собой, нам понадобится оружие и снаряжение, – усталым голосом сказал Андрей. – Всем быть

на исходной точке здесь в семь утра, – добавил Призрак. – Более вас не задерживаю, – сказал Андрей и, встав с кресла, вытащил из ноутбука карту памяти и положил её к себе в боковой карман пиджака, а потом прошёл в коридор и, надев на себя пальто, покинул квартиру.

Романов вышел из подъезда и, посмотрев на вечернее небо, тихо вздохнул и задумался. Где-то вдалеке от него в мыслях проплывали исчезающие силуэты и боль, которую они несли, так часто вызывая у него мигрени. Он посмотрел на арендованный кроссовер «Ауди», но не стал ехать на нём обратно в отель, ему вдруг захотелось немного прогуляться по городу, а чуть позже поймать такси и добраться до отеля. Да, и было хорошо зайти в какое-нибудь кафе или бар и пропустить пару стаканчиков перед сложной операцией.

Сырой влажный воздух был не лучшим делом, но в любом случае свежий вечерний кислород был полезен. Андрей сделал первый шаг и направился вдоль по улице, проходя мимо красочных витрин, которые постепенно украшали к наступающему относительно скоро католическому Рождеству. Он сам хорошо помнил этот праздник по своему детству, но казалось, что это было в другой жизни, которую он так и не прожил. Однако кто знает, к счастью это было или к горю? В любом случае теперь перед ним была совсем другая судьба, и он сам был совсем другим, не тем, каким был в детстве со своими мечтами и страхами, как и любой нормальный ребёнок.

Призрак остановился около одного бара и зашёл внутрь, толкнув от себя дверь. Внутри царил спокойная размеренная атмосфера, и это спокойствие охватило и раскрепостило Андрея, который был несколько зажат в своих собственных мыслях. Он подошёл к стойке бара и сел на стульчик, заказав двойной виски и чашечку ароматного кофе.

Хотелось пить, но он не знал чего именно. Романов выпил порцию скотча и сделал глоток кофе, который был свежим и с насыщенным, судя по специфическому привкусу, колумбийский. Андрей заказал ещё виски и опрокинул очередную порцию, почувствовав внутри тепло и расслабленность.

Неспешно Призрак допил кофе и, расплатившись с барменом, вышел из этого уютного заведения, где было немного народа. Он вытащил из кармана пальто пачку с кубинскими сигариллами и, чиркнув зажигалкой, закурил одну. Крепкий табачный дым рассеялся по ротовой полости, и он сделал глубокий вдох сырого свежего воздуха, который чем-то напоминал родную русскую осень.

Романов сделал ещё несколько затяжек и выбросил окурок в урну, поймав проезжавшее мимо такси.

Спустя несколько минут Андрей вернулся в отель в свои апартаменты, которые навевали ему скуку из-за отсутствия рядом Кристин. Он ощущал, что впервые за многие годы чего-то боялся, понимая всю абсурдность своего суждения. Андрей не знал, чего именно он опасается, пытаясь копаться в своём сознании, погружавшее его всё глубже и глубже в пучины прошлого и того, что так и осталось для него неизведанным.

Призрак снял пиджак и повесил его на спинку стула. Немного походив по номеру, он ослабил галстук и сел на диван. Всё было непонятно и бессмысленно. Что-то тяготило его, но Романов не мог до конца понять что. Он был в смятении. Жутко ломило грудь, и начинали появляться признаки тахикардии. Андрей вскочил с дивана и уставил свой взгляд на телефон.

Внезапно его рука взяла телефонную трубку, и прозвучал голос администратора отеля:

– Слушаю вас, – вежливым голосом ответил он.

– Соедините меня с номером Кристин Лафоре, – несвойственным для себя голосом сказал Призрак, ощущая внутри себя несравнимое ни с чем волнение, переполнявшее его.

– Один момент, – устало сказал администратор.

Ожидание было недолгим, и в трубке Андрей услышал голос Кристин.

– Да, – ответила она.

– Кристин. Это Алессандро, – сказал Романов.

– Алессандро...

– Кристин, можно к тебе прийти? – неуверенным голосом спросил Призрак.

– Приходи, – ответила она, закрыв свой ноутбук.

– Иду, – сказал Романов и положил телефонную трубку.

Он надел пиджак и покинул свои апартаменты, резко хлопнув входной дверью. Преодолев несколько этажей, спускаясь по лестнице и пройдя по коридору, Андрей оказался у номера Кристин. Романов постучал в дверь, и через мгновение на пороге показалась она. Боль резко отпустила Призрака, и он, войдя в номер, обнял Кристин.

– Здравствуй, – сказал Романов.

– Здравствуй, – ответила Анджелина и сильно обняла Андрея.

– Я долго думал, Кристин, и понял, что не могу без тебя жить. Я не сразу это полностью осознал, постепенно приходя к этому и понимая неизбежность этого, – произнёс он. – Всё просто, но в тоже время всё так сложно, что на первый взгляд это невозможно понять, – Призрак говорил эти слова медленно, обдумывая каждую произнесённую им фразу и смотря Анджелине в глаза.

– Я не понимаю тебя. Ты говоришь загадками. Но что же ты хочешь мне сказать? – положив свою голову на его грудь, спросила она.

Анджелина толком не могла ничего понять, только чувствовала, что нечто похожее зреет в её сердце, одним словом, то, что не могла сказать словами, но то, что, безусловно, понимала и хотела произнести. – Я не знаю, Алессандро, но у меня такое впечатление, что мы понимаем друг друга, хотя, возможно, это полностью и не осознаём.

– Возможно, Кристин, – сказал Романов и поцеловал её в губы, а потом нежно провёл своей ладонью по её щеке.

– Я тоже не смогу без тебя жить, Алессандро, – сказала Анджелина, крепко обняла Андрея и поцеловала его в губы.

Они лежали на кровати и смотрели друг на друга. Во взгляде Призрака чувствовалось смятение. Он прекрасно понимал, что не может бросить всё и остаться с Кристин, чтобы жить так, как живут обычные люди. Романову всё казалось призрачным и неестественным. Его прошлая жизнь была именно тем кошмаром, о котором лучше было не вспоминать, а следовало бы забыть раз и навсегда, чтобы жить дальше, но уже по-другому, больше не умирая и не подставляя свою голову под пули, постоянно летевшие в его сторону. Андрей просто чувствовал усталость от своей засекреченной жизни, которая оставляла боль, тяжелее всех его ран на теле, вместе взятых.

– Я люблю тебя, Кристин, – сказал Призрак и поцеловал Анджелину. – Я уезжаю скоро, после того как закончу все свои дела, – с грустью произнёс эти слова Романов.

– И мы больше не увидимся? – со страхом в глазах спросила Анджелина.

– Увидимся, Кристин, обязательно увидимся, – проведя рукой по её волосам, сказал Андрей.

– Но, когда? – растерянно спросила она.

– Ровно через месяц, здесь же. В этом отеле.

– Я люблю тебя, Алессандро. – Она сжала его ладонь в своей.

Призрак так и не смог уснуть в ту ночь. Он пристально смотрел на спящую рядом Кристин и думал о предстоящей операции. Всё было просто, но в тоже время существовало много нюансов. Романов постоянно смотрел на часы, которые неумолимо отсчитывали секунду за секундой, минуту за минутой, час за часом.

В полшестого утра Андрей тихонько встал с кровати, так, чтобы ни в коем случае не разбудить Кристин, и начал одеваться, а через несколько минут покинул её апартаменты...

Глава 6

Тулуза.

Льюис сидел за столиком в придорожном кафе и пил чай, параллельно работая на ноутбуке и отсматривая материалы по секте «Церковь Святой Магдалины». Wi-Fi ловил плохо, но всё же это было лучше, чем ничего.

Говарду не понадобилось много времени, чтобы разузнать, куда направляться к резиденции этой секты, которая находилась в одном из живописнейших мест к югу от Тулузы. Места там были великолепные. Красивейшая лесная местность, поляны и великолепный воздух. Льюис сделал глоток чая из чашки и с равнодушием посмотрел на омлет с небольшими ломтиками обжаренного бекона, который ему принесла официантка.

Есть не хотелось. В груди чувствовалось волнение и лёгкая тошнота, совсем не располагавшая к аппетиту, особенно к приятному, какого пожелала ему официантка. Чай был вкусным и крепким, после бессонной ночи за рулём он был как нельзя кстати. Говард продолжил собирать информацию о секте, читая всё, что только находил. Сложно было сказать, что он был очень внимательным, скорее, просто бегло проглядывал материалы с кучами благодарностей от членов секты, которым смогли помочь найти себя именно там и нигде более. Льюис, конечно же, понимал всю дурость написанного и с равнодушием пролистывал эти страницы. Он в основном искал то, к чему можно было прицепиться, и найти недовольных, которых должно было быть немало. Однако либо всех недовольных подчищали, либо их вовсе не было. Хотя интернет был одной из тех помоек, где не всегда сразу найдёшь то, что ты ищешь.

Говард закрыл ноутбук и, собрав свои вещи, расплатился по счёту, оставив нетронутый омлет с беконом, и вышел из придорожного кафе, подойдя к «Мини Куперу». Прохладная погода вызывала отвращение, но Льюису было не привыкать к холоду. Он сел в машину и завёл двигатель, решив ехать непосредственно к резиденции секты, чтобы самому осмотреться на месте. Он понимал, что легкого ничего не будет, но и особенно тяжелого ждать не стоило. Каким бы ни был Говард скептиком, он больше был реалистом, а реальность говорила ему, что он не будет штурмовать укреплённую цитадель в одиночку, а всего лишь заурядную секту, конечно же, полную своими маленькими и большими тайнами.

Льюис нажал на педаль акселератора и вырулили на дорогу, направляясь в Тулузу.

Париж.

Призрак вышел из отеля и на мгновение замер от пронизывающего сильного ветра. Он ещё до конца так и не понимал, что он оставил здесь. Романов глубоко вдохнул сырой воздух утреннего Парижа и подошёл к краю тротуара, неуверенно вытянув руку. Спустя мгновение рядом с ним затормозило такси, и он быстро сел, сказав адрес, куда направляться.

Призрак откинул голову на подголовник сидения и закрыл глаза. Ему казалось, что он отрывает что-то у самого себя, тот оживший кусочек плоти, который внезапно стал для него так дорог, что его было невозможно сравнить ни с чем, кроме истинных чувств к этой девушке. Романов не знал, да и не мог знать, увидит ли он Кристин ещё когда-нибудь или нет, несмотря на далеко идущие планы встретиться в скором времени.

Андрей открыл глаза и посмотрел на улицу, где пролетали в разные стороны машины: исчезая и проявляясь так же внезапно, как и всё в этом суетном мире.

Такси резко затормозило, и Призрак открыл дверцу, расплатившись с таксистом и покинув автомобиль, прихлопнул дверцу и глубоко вдохнул сырой холодный воздух. Он сделал несколько шагов и позвонил в домофон. Дверь тут же открылась, и Романов вошёл в подъезд. Он быстро поднялся по лестнице и вошёл в квартиру Шакала, где во всю уже кипела бурная деятельность. Оперативники проверяли средства связи, оружие, готовили бронежилеты. Связной проверял снайперскую винтовку «DSR-1». Может, конечно, это был и не лучший вариант для данной операции, но и худшим его никак нельзя было назвать. Минусом этой винтовки было только маленький магазин, а остальное было только плюсом, и калибр 338 Lapua без-

условно играл на руку штурмовавшим. Другой снайпер собирал снайперскую винтовку «НК SL-8 SD» и наполнял магазин винтовочными патронами. Остальные заряжали штурмовые винтовки «НК G-36C» и пистолеты «Вальтер П-99».

– Андрей, переодевайся! И занимайся своим оружием! – крикнул Шакал, зарядив свою снайперскую винтовку.

– Хорошо, – сказал он и, взяв чёрный тактический костюм, стал быстро переодеваться. Потом он надел на себя бронежилет, залепив застёжки-липучки, и стал устанавливать на свою штурмовую винтовку коллиматорный прицел. Он быстро заполнил магазины для пистолета «Вальтера» патронами сорокового калибра и принялся за винтовочные магазины, заполнив которые он разложил их по подсумкам разгрузки на бронежилете. Призрак накинул сверху короткую тактическую куртку и положил в карман куртки эластичную маску.

Штурмовая группа была готова, но ехать пора было только Шакалу, продолжавшему собирать заряд для подрыва фургона.

Спустя несколько минут всё было готово. Связной собрал всё в рюкзак, а винтовку убрал в чехол. Он слегка улыбнулся и подмигнул команде, а потом исчез за дверями квартиры.

Шакал быстро спустился во внутренний двор, где стоял полугнилой фургон, покрытый местами сильной коррозией и, проверив давление в шинах, сел в машину и завёл двигатель. Он резко перевёл рычаг механической коробки передач на первую скорость и тихонько нажал на педаль акселератора.

Фургон взял с места и выехал на улицу. Связной тихонько ехал по улицам, направляясь к месту засады и медленно вырулил к исходной точке. Он заглушил двигатель, дёрнув на себя рычаг ручного тормоза, и вытащил из рюкзака заряд, поставив его в режим ожидания. Шакал вышел из фургона и прикрепил заряд на днище. Он вытащил из салона свои вещи и хлопнул дверцей направившись выбирать позицию.

На улице было немногочленно. Утро пока никак не отразилось на парижанах, которые в это пасмурное воскресенье оставались по своим домам. Для Шакала это было только в плюс. Он, конечно же, понимал, что во время операции могли быть жертвы среди населения, но в воскресенье этих жертв могло быть намного меньше. Заряд, заложенный им на днище машины, был не сильным, но сама взрывная волна могла отбросить внезапно проходящего мимо прохожего на несколько метров. Всё это было само собой малоприятно, но оперативной работы в белых перчатках не бывает. Жертвы всегда случаются, главное, чтобы их было мало, но избежать их очень и очень сложно.

Связной прошёл немного по улице и зашёл в подъезд дома, где находилась небольшая булочная. Он ловко обманул продавца поддельным удостоверением инспектора жандармерии и по узкой лестнице поднялся на последний этаж, где находился склад туристической фирмы, с кучей бумаг в коробках. Он аккуратно вскрыл замок и вошёл внутрь. Немного осмотревшись, он выбрал окно с наиболее лучшим углом обзора улицы, разгрузив старый стол с металлическим каркасом и деревянной крышкой, стал доставать из чехла снайперскую винтовку «DSR-1». Шакал установил винтовку на сошки и навинтил глушитель на ствол, отладил прицел по угловой минуте и зарядил магазин, передёрнув затвор. Он вытащил из пластиковой кобуры на ремне «Вальтер П-99» с глушителем и положил его на стол перед собой, как и два запасных магазина к снайперской винтовке. Теперь оставалось только ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.